

А. С. ПУШКИН

ДУБРОВСКИЙ

НА ЭВЕНКИЙСКИЙ (ТУНГУССКИЙ) ЯЗЫК
ПЕРЕВЕЛ Н. САЛАТКИН
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Г. М. ВАСИЛЕВИЧ
РИСУНКИ И. ЕЦ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
ЛЕНИНГРАД • 1938

81.
п-91.

Эвенк $\frac{1}{50}$

А. С. ПУШКИН

181
268
Север $\frac{2}{1112}$

ДУБРОВСКИЙ

РУССКАЙДУК ЭВЭДЫТ ДУКУЧАН
Н. САЛАТКИН
ИЧЭТЧЭН Г. М. ВАСИЛЕВИЧ
И. ЕЦ ОНЕВУРИН

БИБЛИОТЕКА
Государственный музей
ДЕТСКОЙ КНИГИ

ГОСЛИТИЗДАТ • ЛЕНИНГРАД
1938

81/83

Публичная Библиотека
им. В. И. Ленин
АВТОМЕНТ.
ПАС346

1048845

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН

Хэгдыткүмэмэ русскай поэт Александр Сергеевич Пушкин 1799 ангиганиду балдычан. Нунган нямадидук аннганилдук хэлэкэ амаски бидечэн, дукудячан. Эми-вал нунганилин произведениелин, нунгангингилван (савдерин) эрдэлэ индерэ.

Митигиду хэгдыду дуннэгдүт упкаттун Пушкинма садерэ, аявдерэ. Нунгангилван произведениелван (дукуналван) кэтэрэтэл тангдьяра, нунгангилван стихилвэн, эденгэт омнговро, алагудяра.

Горомомоду дүкөдү бидечэл, родинадуквар бэлэгэс алатчэнэл, челюскинецил Пушкинма тангдьячатын. Полярнай долбони хактырдун, нунгардутын Пушкин дылачагачын бичэн. Энгэсивэ будерил пушкинингил стихил турартын

маннивдяхатын илэлдү илкихэривэтын, мэрвэр энгэсильвэр тэдечэвунмэтын, родинавар тэдечэвунмэтын.

Ленин Пушкинма сот аявдечан, ссылкаду (унгикитту) Сибирду биденгэсиви, нунгангилван стихилвэн урунчеденэ тангдянгкин. Митнги родинат хавалдырилдун Пушкин произведениелин (дукуналин) сот аявуврил биси, нунгартын урувсипчувэ бинивэ, энгэсильвэ бивудерэ, свободава (тынмукигвэ) аявувкандерэ, эксплоататорилва (болгичадярилва) тыкундядатын, алагудяра.

Пушкин элэкэсипты, тэгэ дярин дукудяри, поэт бичэн. Пушкин ургэпчулду аннгилду бидечэн, тэли Россияду тэгэмэр, помещикил нюнгэл бичэтын, тэли крестьянисал, крепостноит правот сот тырэчивдечэтын. Сокур помещикил тэгэдук тагдыянгкитын, крепостноилва крестьянисалва идэгэгчиндивэр (мэндькэгэгчиндивэр) тангичадянгкитын. Нунгартын илэвлэ униеденгкитын, нгинакирди дьогэчингкитын, картылди эвивунтэденгкитын.

Пушкин тэгэвэ сот аявдечан, нунганман сот муландечан (сингниндечэн). Нунган крепостнойва правова сот тыкундячан, тэгэ свободнай одянган тэдедечэн. Нунган мэннгилдиви произведениелдиви (дукуналдиви) самодержавиева хуски, помещикилвэ-дворянисалва хуски нгэнэдечэн. Тэгэвэ, нунгангиван ургэпчувэ бинивэн, урувсипчулвэн, нунгангилван итылван ичэвкэндечэн.

Эр тарилдули тэгэмэр, помещикил нунганман сот тыкундяхатын. Упкаттун бинидун хэгдыткүмэмэвэ поэтва хэричдечэтын.

Нунганман гороткумамалдула Россиянгилдула бикичилдулэ унгденгкитын, гороткумамаду гулэсэгду кэтэвэ аннганилва бивкэнденгкитын, аяткумамалва произведениелван баденгкитын печатайвкандеми. 1837 аннганиду иландяр дяпкун аннганингичи балдыдукви, Пушкин тэгэмэр сипкумнин нгалэдин нелиисипчут вавчан.

Русскайду тэгэду ургэпчу бичэн, поэт вавчаван тылчэлэн. Дяр тысячал илэл нунгангилан гулэлэн эмэчэтын, аявривар поэтва ичэдэвэр. Тэгэл тыкундихтын нгэлтэчэми, тэгэмэригил кэлумэлин, делумкэтчэнэл, дэромисалгачир,

хактырапчуду долбониду мирэ (февраль) бегадун, бунивэ поэтва столицадук (соткудук городтук) сурувчэтын, тадук делумкэн нунганман нэчэтын гулэсэгду Михайловскаду, Псковскайду губернияду.

Пушкин кэтэмэмэвэ очан русскай тэгэ дярин. Нунган элэкэсиптыт дукулчан тылигэнди турэнди. Нунган русскай ва турэнмэ итывчан. Тар турэнди эситкэн дяр миллионил хавалдырил турэтчэрэ. Нунган русскайва литературава алагучан, тэде бидэн. Нунган ичэвкэчэн, они художественнай турэн бэлэгэдин тэгэ свободалин нгорчавкавэ.

Пушкин сот аяпчулва произведениелва (дукунальи) дукучан. Тарилдук роман „Дубровский“ гэрбичи кэневдевки.

Тар произведениеду сонинг илмакта дворянин Владимир Дубровский бисин. Баян матакин — помещик нунгангиван аминман дядангит овкачан сипкудяна, улэккитчэнэ. Омолгин, аминдуливи тыкундями, умукэнду мэннгилнунми крестьянисалнунми баясалдула помещикилдула эмэнчэнгкин, нунгардуктын идэгэлвэтын гачингкин, дядангилду бунгкин.

Пушкин бидечэдукин чагила учэлэ дукуласэл (писатели) произведениелдувэр энгкитын крестьянисалва тэдэт ичэвкэнэ. Пушкин русскай крестьянин меванман элэкэсиптыт ичэвкэчэн, нунган илэмэн бисивэн, энгэсильвэн, тадук эденгэт аяралдыра булэнмэ тыкундыриван ичэвкэчэн.

Тавин Архип — Дубровский тэдэткун бэлэмнин, усадьбаван (бикитвэн) иларан, таду унжилдымэткит чиновникилван лургиврэн. Эми-вал Архип, тогоду хакувчавэ кошкава ичэксэ, бунитви энэ нгэлэттэ, бадарала нгавунан, кошкава бундукин айран

Пушкин бидечэдукин чагила писателил мэннгилдувэр произведениелдувэр дворянисалва, помещикилва кэнеденгкитын. Пушкин элэкэсиптыт ичэвкэчэн дворянинил-помещикил, тэдэду авадыл бисивэтын.

Баян дворянин Троекуров мэннгиви гиркиви дэгочиливканэн, нунганман, дяли сокордолон, бунилэн исивран. Троекуров каравсия ачинди мэннгилви крестьянисалви тырэтчэрэн, матакилви кэсэгитчэрэн. Нунган мэннгимэти

хунатви синггиндэви эчэ сарэ, нунганман эсидун аявдерэ илэду мирэнмукэнэн.

Эргэчир произведениел, "Дубровскийгачир" тэгэду тэдэвэ ичэвкэндечэтын, булэсэлнунмэр нгорчандула эридечэтын.

Хэгдыткүмэмэ русскай поэт мэннгиви тэгэви аявдечан, туги-дэ нунгандун упкат национальностил хавалдырилтын интересилтыл тамурал бичэтын. Пушкин дюлэски ичэдечэн, нунгангилин произведениелин упкатту хавалдырилду савудянгавэтын, нунгангин гэрбин аявуври одянган.

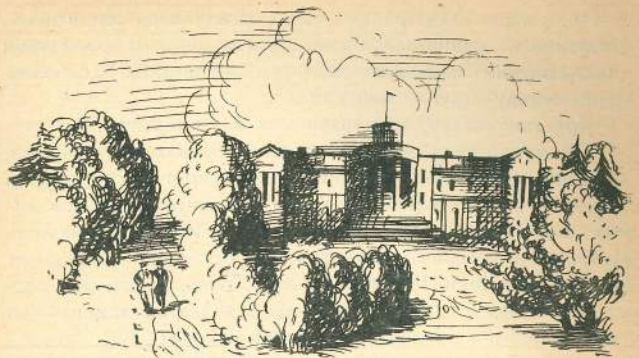
„Минэ упкаттун хэгдыду Русьту салденгатын, Нунгандун бидери авады-да турэн минэ гэрбитчэнгэн: Славянил, хэгдыкэтчэрил хутэлтын, финил эситкэн гэлун Тунгус, тадук степил (агласэл) гиркитын калмык.“

Туги Пушкин мэнми дукудячан 1836 аянганиду стихотворениедуви, „Памятник“ гэрбичиду.

Тэли Пушкин эрэ элэ дядлатчэнга бичэн; эситкэн эр тэдэду овча.

Октябрынги социалисты революция рабстводу, дёгорду тэгэмэрды Россия бичэ тэгэлин бидечэдутын муданматын эмэвчэ. Тар революция Советты дуннэ кэтэ национальностичива населениева умунупкичэ умунтэгинду семьяду. Пушкин гуннэн тэдэду овча. Нунганман, аявувривэ русскай тэгэ оمولгиван, аявдерэ Советты упкат союз тэгэлин: русскаил-дэ, украинецил-да, узбекил-дэ, якол-да, хантыл-да, эвэнкил-дэ, нанайл-да. Хэгды советты союз свободнай, урэчил правочил членилин очалавэр, эрил тэгэл, мэннгитвэр турэндивэр гениальной поэт произведениелван (дукуналан) тангянгал очал.

1937 аянганиду, мирэ (февральду) бегадун митнги хэгды социалисты родинат свободнай, кутучил тэгэлин, Пушкин бунэдукин (мэкчэрэнэдукин) 100-аянганива самэлкичатын, торжественнаилва собраниелва, митингилва, тангирва, спектаклила одянал. Нунгангиндин гэрбидин кэтэ клубил, тангкичил, библиотекал, городыл улицалтын, городыл гэрбивчэл. Миллионил Пушкин дукуналин печатътук юувувчэл.

ГЛАВА I

Кэтэ [анггил амаски, умукэнду авдудуви учэлэпты русскай помещик Кирила Петрович Троскуров бидечэн. Нунгангиван баянман, савудеривэ балдыван губернияду упкаттун сангкитын. Нунгангилин матакилин, баянман садми, урунчэденэл нунгандун бэлэмунгкитын, гэлэнэлин онгкитын; гэрбивэн долдыми, губерниядыл хэгдыгулин нгэлэлингкитын. Кирила Петровичту эр упкат со ая бингкин. Нунгангидун [гулэдун окин-да матал дялупчал бингкитын эрил матал нунганман сөвденмукэнингкитын, нунганнунин сөвденденгкитын.

Дюдыду бододу Кирила Петрович мэндиви упкатва илэ эрудылвэн ичэвкэтчэнгкин. Нунган энэ дяличи биси, савкача

бичэн, упкат гэлэдэрилин энэл олгачивдьяра овдыдатын. Энгэси-вэл, манни-вал бими, нунган энгэни девчэдукви (билганэдукви) надалладу дюрэ-вэл энунингкин, долболтононитыкинду харукин бингкин.

Крестьянисалви, кэлумэлви сот болгичадянгкин.

Троескуров окин-нун нгэнэктэдэнгкин, аракива умдянгкин, аяг депчэнгкин, илэлвэ улэкингкин. Окин-нун нунганнунин элэкэс ичэлдыдери илэ нунгандун улэкивунгкин. Сарилин-мал илэл туги-дэ улэкивунгкитын. Элэ Андрей Гаврилович Дубровский энгкин улэкиврэ. Дубровский отставкаду гвардия поручикин¹ бичэн. Нунган Троескуровни дагаткун матакин бичэн. Нунгангилин надандяр крестьянисалин бичэтын. Троескуров-баясалнун илэлнун салдыдедави савкача бичэн. Дубровский эсикин-мэл баян биси, дулумну бисикин-мэл, Троескуров нунганман аявденгкин. Окин-мал нунгартын кусимнил бингэсивэр, гиркинэсэл бичэтын. Троескуров аят садечан Дубровский энги мангичара бисивэн. Тадук нунгартын гороло хучилдычэтын. Дубровский дяданг очалави, воснайдук службадук ючэн, хуюкунду хэлэчэду урилэндуй билчэн. Кирила Петрович тылчэлэви нунгандун бэлэмудечэн, эми-вал Дубровский бачан бэлэгэе гадями, дяданг бинэ эмэнмучэн, эчэн нгие-дэ долдычамура.

Оки-вал аннганил илтэнчэлэтын, Троескуров отставкаду генерал аншеф² гэрбичи бинэ, мэннгилэви бикиттулэви авдула эмэчэн. Нунгартын урунчэл бинэл мэмэгилюнмэр ичэлдычэтын. Тариптыдук нунгартын тырганитыкинду бакалдыдянгкитын. Кирила Петрович балдынадукви нгилэ-дэ энгкин нгэнэктэрэ, эситкэн холоктоло гиркилэви гүлэчэн-

¹ Гвардия поручикин — тар тэгэмэр армиядун хуютку офицер чинин.

² Генерал-аншеф — тар кусиды хэгдыгу.

дулэн эмэктэлчэ. Хадылдун нунгарнгитын бодотын урэлды бичэн: дюктэ аяврилвар асилачатын, дюктэ амакан навусал очатын. Дубровскийнги омологин иргичивдечэн Петербур-гду, Кирила Петровични хунадин аминдуви иргичивдечэн. Аминин кэтэрэкэкун Дубровскийтыки гунденгкин: „Долчат-кэл бэе, Андрей Гаврилович: Володькас хоктоёви бододу бакаракин, би нунгандун Машави буденгэв, дюлакин-мал омологис бисикин“.

Андрей Гаврилович дылитви дингганадяна гунигкин туги: „Эчэ, Кирила Петрович: миннги Володькав Мария Кириловнаду эденгэ эды биси. Омологичиндув, дядангду дворянинду, дядангя дворянкая асатканэ аятмар асилами, дюдуви сотку нюнгэ бидэви, эдэви баянду асичанду кэлумэ биси.“

Троескуров дядангнун матакунми аят бидеривэн упкат кэнеденгкитын. Упкат ёндынгкитын (гайкадянгкитын) Дубровский, Кирила Петровичту девденэ, энэ нгэлэттэ дялви гундеривэн. Эми-вал аят бидеритын сукчавчан.

Умнэ, болони элэкэс олдьяракин, Кирила Петрович бэюмэстэви итыгадячан. Матал нюнгэнун нгинакирва иргиткиттулэ (псарняла) сурурэ, тала туннгадук нямадилдук хэлэкэтмэр нгинакир нямаду аят бидечэтын. Усэдерил нгинакир дяритын таду-да айткит бичэн, таду нгинакирва аичимни Тимошка бичэн, таду-да укучэр хутэнгкичитын бичэн. Кирила Петрович нгинакирва иргиткичитви хэгдыкэтчэнгкин. Матал эмэрэктын, кэнеденэ ичэвкэтчэнгкин, матангилин дюрдяра ичэтчэл бисиктын-мэл. Кирила Петрович маталнун нгинакирва иргиткиттули гиркуктадячан, нунгарнунтын гиркудячатын Тимошка, тадук нгинакирва иргичимнил. Кирила Петрович гиркудяна, хадылдутын нгинакир авдусалдутын илингкин, ханнуктадяна нгинакир авгаралватын, хадылдун сарилви нгинакирва эрингкин, аят

нунгарнунтын улгучэмэтчэнэ. Матал мэрдувэр тангичангкитын кэнсэдэдэвэр Кирила Петрович нгинакирва иргиткитвэн; элэ эмукин Дубровский симуладячан, хонирадячан. Нунган со бэюмэчимни бичэн. Нунган эчэн баян биси, тарит нунган элэ илана нгинакира улидэдэви элэкинденгэ бичэн. Нунган ичэтчэнэ нгинакир аява иргиткитвэтын, торгондукви албангкин мангичадями.

— Си аки, эда хонирадяни, миннги нгинакирва ирkitкичив эчэ-гу ая биси?—Кирила Петрович ханнгуктаран нунгандукин.

— Эчэ, — нунган гунэн тыкундяна, — иргиткичис аяма, — нгинакиргачиндус ая бодо, синнгилду илэнгилдус таргачин бодо бинэн-гу, энэн-гу.

Иргичимнилдук умукэн тарит тыкуллан.

— Бу бодовар эчэвун эрупчут тангичадяра, — нунган гунэн, — эксэригэ, нюнгэвэр кэнсэдэрэв, — экун тэде, — тар тэде, халыдун дворянинду баянду бэеду, бикитви, усальбави авадыт-та нгинакир авдундитын эмчэ эру биси дюгэтми. Нунган тэли айвукиндымарит, няматмарит бидемчэ.

Кирила Петрович, кэлумэн туги гунэкин, эмнгут инектэлэн, матал-да хактанчэллэ, мэдэтчэнэл-вэл мэрдивэр инектэвдеривэр. Дубровский хэпкэрэрэн, умукэмэтье турэнэ эчэ гунэ.

Нгинакир иргиткиттуктын (псарнядук) маталнун мучукса, Кирила Петрович девулдэви тэгэрэн, тэли элэ мэдэрэн Дубровский ачин бисивэн. Илэл гунэ Андрей Гаврилович дюлави суручэвэн. Троекуров гунэн, бокодотын, тэлиннгэ мучувкандатын. Дубровскийва бокончудяча кэлумэ амакан мучура, нюнгэткиви гунэн, Андрей Гаврилович эденгэвэн мучура. Кирила Петрович, аракидук хэкулчэ бинэ, тыкуллан, гевран тармалва кэлумэви унгэн, Андрей Гавриловичтыки гундэн — нунган тэлиннгэ эсикин.

аннгэтнарэ Покровскоела, тэли Троекуров нунганнунин будэлэви тыкулилддыяган.

Геду тырганиду Троекуров ханнгуктаран;

— Эду-гу Андрей Гаврилович?

Энэл эя-да гундерэ, нунгандун дукувунма бурэ, илан оннгачит намувчавэ. Кирила Петрович нгинакирва иргичимниду бурэн дукувунма игдыт тангдан, тыллэн туги дукувчаван:

Дяврив государь (андагив),

Би Покровскоела эденгэв эмэрэ, эделис миндулэ Парамошкава унгэнэ тыкунгичавэ минэ. Они улгучэмэтчэнгэв нунганнунин — тар миннги дялив, синнгилдук кэлумэлдукис иненмэ би эчэв долчатмудерэ, туги-дэ синдук-вэл иненмэ этэм мангичара, би инектэвун эчэв биси, би гороптыдук дворянин бисим.

— Эмэнмудем гэлэнэлвэс долдычамуденэ

Андрей Дубровский

Троекуров сэктэвурдукви микчанэн дюлакин бинэ, черкачиллан:

— Они тар бисин, — унгдевкэ нунгандулан миннгилвэ илэнгилвэв, нунган кэсэгидэн-нгу, эдэн-нгу. Тар эва нунган дялдарэн; сарэн-нгу нунган нгинун улгучэмэтчэриви. — Эр би нунганман... Сот сонгодёнгон нунган миндук, тылденгэн Троекуровнун булэнмэтми они бисивэн.

Кирила Петрович итыгаран, бэюмэсинэн. Эчэ эя-да варэ. Упкатван тырганива гиркудянмар, элэ умукэнмэ муннуканмэ ичэчэтын, тарматвэ албачатын вадеси. Палатка хэргидэдун агланду девулмэчир бичэтын. Кирила Петровичту дептылэ эчэн ала биси, нунган тали каларумнива дугчэн, упкатва матангилви валачан (лэгичэн), дюлави нгэнуденэ эман Дубровский дуннэнгилдулий агласэлдули суручэн.

Окикакун тырганил илтэнэ, дюрнги матакилнги булэн-мэчинтын эчэн этэвдэрэ.

Умнэ Дубровский, мэннгили адыкурва дуннэнгили ичүлиденэ, бакачан Покровкангила бэелвэ, мосангилван дёромидярилва. Тарит нян булэнмэчинтын сотмарит хавупчан. Дубровский тылчэн — бэел, булэнмэчинмэтын садеми, мосангилван дёромидяра. Нунган дявачалвэ бэелвэ дядлачан буксэкэди идакадави, этэдэтын дёромидями, тадук мурирватын, мэннигидуви бикиттуви дукукса, хаваду будэви.

Тэлингэ тырга улгур Кирила Петровичула истан. Нунган сот тыкуллан, нонон дядлачан упкатун бэенгилунми нгэнэнчэдэви Кистиневкала (туги матакинги гулэсэг гэрбичивункин), нунганман упкатван сукчадави, мэнмэн помещиква бикиттун мурэли хакудави. Тадук дялин хунгтувэ дюгувэ бакаран.

Гулэливи ургэпчулди гиракталди гиркуктадяна, нунган окошколиви ичэрэн илчалвэ мурирва, хуюкүкэн илэ толгокидук юксэ, сурурэн гулэлэ прикащиктула. Троекуров тагрэн унгилдымэчимнивэ Шабашкинма, гунэн, нунганман эмэвкэндэтын. Умүкэн минута илтэнчэлэн Кирила Петрович дюлэдун Шабашкин унгкеродяна илитчачан, алатчэчан эявал оливкандан.

— Дорово, харги, они синэ гэрбичивкил, — гунэн нунгантыкин Троекуров, — эманни си элэ?

— Би городтула нгэнэдэчэв, — гунэн Шабашкин, — агим, Иван Демьяновдула тылдэви экуна-вал овкатнэс.

— Со ая синнги эмэрис, они, харги, синэ гэрбичивкил: си минду сот гэлэвденни. Миннги матакив бисин, — адыкун дуннэнгичи валалан (лэгилэн), со эрупчу бэе; би нунгандукин бикитвэн гамудям, си они тара дядлатчэнни? Тар бикит окин-мал учэлэ муннги бичэн, авадыдук-вал Спициндук

униевчэ бичэн, тадук Дубровский аминдун бувчэ бичэн — эрит тургэтэнэл энги-гу он-мал гара?

— Со ургэпчу, эр униекит гугэричи биркэ?

— Дядлаткэл, бэе, гэлэктэкэл аямадат.

— Си, бэе, матактукви дукугарвэ, бикичит мэндыкэтэ-ривэн он-мал гаракис, тэли тэде...

— Тылим, элэ со эрупчу — нунганнгилин упкачин бумагангилин дегдэчэтын, бадара бингэсин.

— Они, бэе, дегдэчэл-гу бумагал? Туги бисикин, синду аятмар, — туги бисикин, унгкилдымэткичит си дядланэви дюпкэки гадянгас.

— Си тэдэвэ гунденни? Кэ, аят, би синди бэлэгэтэдем, бэлэнэливи си миндук аят таманмадянгас тэдэкэл.

Шабашкин дуннэмэкэл унгкероран, тадук юрэн. Тариптыдук-та тырганидук хавалиллан дядлачавэ. Нунган со бэркэ бичэн, тарит дюрдули надалладули Дубровский городтук дукувунма гаран, тар дукувунду нунганман эмэвкэтчэрэ улгүчэндэн, они гулэсэгит Кистиневкат мэндыкэтэ-ривэн.

Андрей Гаврилович хэгдывэ тэдэт улгүчэндэричэ дукувунма дукуран, эми-вал тар дукувун часки эчэн элэкин биси.

Кэтэ тырганил илтэнэ, унгкилдымэчин хата эчэ итым-кавдяра. Андрей Гаврилович, тэдедэчэ нунгандун тэде бисивэн, энгкин сот хивиндяра.

Шабашкин дядланэви хавалдячан унгкилдымэчимнилвэ нгэлэвкэтчэнэ, нунгардугтын тамадяна, унгкилдын законилван (гугэрилвэн) хунгтут улгүчэндэнэ. Он-мал бичэду, 18... аннганиду, мирэду (февральду) бегаду, 9 тырганиду, Дубровский городнгидук полициядук, эмэвкэчивунмэ дукувунма гаран. Тар дукувунду нунганман унгкилдымэчимнилэ эмэвкэтчэрэ, долчаттан унгкилдымэчин гуннэвэн поручик Дубровский генерал-аншефнун Троекуровнун булэнмэтчэричэтын

бикиттулин, нунган мэннгиви дялви унгилдымэчин гуннэдун дукудан. Тэлиннгэ тырга Дубровский городтула суурэн; хоктоду нгэнэдэрэкин, Троекуров нунганман нёраарэн. Нунгартын мэмэгилавэр бугдыпчут ичэсилдырэ, Дубровский булэнми дэрэдун тыкупчува инемусинмэн ичэрэн.

ГЛАВА II

Городтула эмэксэ, Андрей Гаврилович сарилави купецтула агрэн, аннгэттэн нунгандун. Тэгэми-нэн тыматнэ уезд-нигила унгилдымэткиттулэ эмэрэн. Эмэрэкин, нги-дэ эчэн ичэсинэ нунганман. Амариннгадун Кирила Петрович эмэрэн, дукумнил илла, дукунгкилвар сердуливар нэрэ, унгилдымэткит членилин арчамкара нунганман урунчэл бинэл, дэпэмэвэ тэгэмкинмэ нунгандун эмэврэ, савунман баянман, сагдыван садеми. Нунган тэгэрэн уркэ ничэдери-дун, — Андрей Гаврилович илитчана гулэ олдонтыкин тургэтэдечэн. Упкат симургара, дукумни игдыт дылгандиви унгилдымэткит гуннэвэн тангиллан:

„Унгилдымэткит гунэн, тар идэгэвэ генералду — аншефту Троекуровду кангкивади: Дубровскийва эрэстэви, мэндыкэвэн Троекуровду будэви.

Эр гунмувчэвэ дюлэски унгилдымэтчэрилтыки савканивка. Нунгарватын эривкэ, унгилдымэткиттулэ долчатта-тын эр гунмувчэвэ, дукудатын мэннгилавэр дялилвар.

Эр гунмувчэвэ дукудатын упкат бисил тар унгилдымэткитту“.

Дукумни симургаран, заседатель иллан, тадук хэргинди унгеродяна, Троекуровтыки гунэн, дукудан тангивчаду бумагаду. Урунчэдери Троекуров нунгандукин дукунгкивагаран, унгилдымэткит гуннэдун дёкилдынави дукуран.

Дубровскийнги дукуламачинин бичэн. Дукумни нунгандун

бумагава эмэврэн. Эми-вал Дубровский илитчачан, энэ сомнасила, дылви унгиликэчэ бинэ.

Дукумни гевран гунэн нунгантыкин дёкилдынави-гу, энэви-гу дукудан.

Дубровский хата симуладячан... Умнэт дылви угиррэн, эсалин гиллэнэллэ, нунган халгандиви дуннэли иктэрэн, дукумнива бурукнэнин анаран, чернильницава чавупчарэн, нунгандин ноданчэрэн заседательва. Упкат ичэтмэл ора.

Этэчимнил янгулиндула туксара, аран тыллэ. Дубровскийва тулиски юврэ, толгокиду тэгэвкэнэ. Дубровский амариннгадун Троекуров юрэн, нунганнунин юрэ упкат унгилдымэчимнил. Дубровский дялдукви хирэкин, Троекуров дялин хунгтуптэн. Унгилдымэчимнил унгилдыдечэтын дялдатчэнэл, Троекуров тамадянганван, эситкэн нунгандукин умукэмэтье аяя турэнэ эчэл долдыра. Троекуров тэлиннгэ тырга Покровскоела суурэн. Дубровский сэктэвурдуви хата хуклэдечэн, долбонтононитки нунгандун эимдымэр оран, нунган дялдулави оран. Геду тырганиду нунганман городтук Кистеневкала, нунганнгилан бичэлэ, суурврэ.

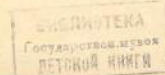
ГЛАВА III

Ады-вал тырганил илтэнэ, эми-вал сингнипчу Дубровский авгаран хата эрупчу бичэн.

Егоровна, ая атыркан, окин-мал нунганнгиван хутэвэн этэетчэчэ, эситкэн мэнмэн этэечиллэн.

Андрей Гаврилович эденгэ бичэн мэннгилви дюдылава хавалвэ дялдаттэ. Егоровна тара садеми, илмактава Дубровскийва тыливкэчэн. Хутэн городту Петербургду военнайду службаду гвардия гиркумаду полктун бичэн.

Егоровна дукувунман гакса, Владимир Дубровский, эсилвэ тыливгэсэл биси дукурулва адыракаун тангчан, сот хивин-

дяна. Аминин буденгэвэн мэдэдери дялин, меванман ургэпчут тырэтчэчэн. Тэлингэ тырга нунган хивинилчан тынмудэви, дюллэли, нунган тонгноун Гришанунми, кэдумэнунми, дюлави суручэн.

Владимир Андреевич станцияла эмэдечэн, тар станция-дук Кистеневкала хоктон бичэн.

Станцияла эмэксэ, нунган станция хавалимнидукин мурира хангуктаран. Станция хавалимнин хангуктаран илэ нгэнэдеривэн, тадук гунэн — мурир Кистеневкадук унгивчэл бичэтын, нунганман алатчэчатын дыгиллэвэ. Амакан Владимир Андреевичтулэ сагды нгэнэвуктэмни Антон эмэрэн, Унгкероран дуннэмэклэ, тадук гунэн, холокто нунгангин нюнгэн хата индери бисивэн, тадук туксасинан, мурира гэннэсинэн.

Антон нунганман мурирди суруврэн. Нгэнэденэл улгучэмэчиллэ.

— Антон улгучэкэл, бэдуэнэкэл, эли аминми Троекуровнун унгилдымэтчэчэтын?

— Эксэри элэ тара саден, Владимир Андреевич... Нюнгэв тыкулилдычан Кирила Петровичнун. Тар дукучан унгилдымэткиттулэ. Тар эчэ мунги хававун биси, итым-кадядавун нюнгэдылэвэ дялила, хитэкэл синиги аминни Кирила Петровичва тыкунчилчан.

— Би ичэттэкив, Кирила Петрович сунду упкатав ому-дярилови одяран.

— Туги бинэн, нюнгэ, унгилдымэчимнивэ нунган этта эчэ тангичара, хэгдыгу-исправник нунгандун кэлумэ, хэгдыгул нунгандулан эмэвил унгкеронавил.

— Тэде-гу, нунган мундук бикитвэвун гадяран?

— Е-е, нюнгэ, бу-дэ туги тылчэвун; мунэ нгэлэвкэтчэ-вхил гуннэл — эси-кэнэ гадяган сунэ нгалэдулави Кирила Петрович.

— Су-кэ бадерэс Троекуровнигил бидэвэр?

— Эксэри бэлэкэл, халгэвдавун нунгандукин.

— Мэннигилдун илэнгилдун эрупчу бодотын, хунгтэдылэвэ-гами, нунган кикикталватын уллэтэйлэвэ илэтчэнгэн. Экэл бурэ си муэнэ, бу синиклэ дысугчэнгэвун.

Сагды нгэнэвуктэмни турэрвэн долчачикса, Дубровский симургаран, мэнэкэн дялдачиллан. Умукэн час илтэнчэлэн, умнэт Гриша скэсиндиви (тэпкэндиви) нунганман сэриврэн: эр Покровское. Дубровский дылави угиррэн, — нунган тагрэн эрил бикичилэвэ. Нунган дэнан они эвиденэви эр букачанду хуюкүкэннун Маша Троекуровнун, дюрди анганилди нэкундымэр бичэнун, гудей хунат одяганун.

Гулэсэгдук халчалавэр, амакан нунгартын эври оёлон туктырэ. Владимир ичэрэн чалбукканмэ, тадук дегиннигидэду, аглакачанду хэпкэмэвэ, гулэкэнмэ, хулама купуптычива ичэрэн. Меванин сотмарит сомналлан. Дюлэдуви Кистеневкава, тадук сингнипчувэ аминми гулэвэн ичэрэн. Дяндули минуталдули нунган гулэлэви эмэрэн. Нунган мэндуки мурэли тыкулча бинэ ичэтчэчэн. Дяндюрвэ анганилава нунган эчэн балдыдякви ичэрэ. Илэл гулэлдуквэр юрэ, илмактава нюнгэвэр мурэли илитчана, урунчэл бинэл, янгудячатын. Нунган, сигдэлэдуктын аран юксэ, холоктоло гулэкэн икиттулэн туктырэн. Таду нунганман Егоровна арчаран, сонгодёно иргингэви кунглэрэн.

— Дорово, дорово, энэке, — нунган адыракаун дюпты-дячан мевантыкиви атырканмэ камнитчана, он-ка ами, иду нунган? Антыт нунган?

Тэли халатычи, авучи, гугдакаун, хэпкэмэ, дяланга этыркэн комнатала ирэн, аран халгарви угириденэ.

— Дорово Володька, — нунган ембуг дылганди гунэн. Тэли Владимир, сот урунчэ бинэ, кунглэрэн аминми.

Урувсипчудук эундериду ургэпчутмэр оран. Нунган

ньюман, халгарин маривра. Нунган бурчэ бимчэ, хутэн эскин нунганман туручэрэ. Этыркэнмэ акиттулан нгэнэврэ. Владимир аминми эрупчут авгарадин ёнча бичэн. Нунган аминми акиттун эмэнмурэн, гунэн нунгарватын аминанма эмукирвэ эмэндэтын.

ГЛАВА IV

Андрей Гаврилович авгаран часки сотмарит эрупчут-мэр одячан. Владимир унэ ичэчэн аминин амакан буденгэвэн. Тара садеми, этыркэндук кунгаканнгэчин очадук, энкин илэ-дэ сурурэ.

Эми-вал унгилдымэткит гуннэвэн унгилдымэчин тэру илтэнчэ. Кистеневка Троскуровду бувчэ бичэн. Шабашкин нунгандулан эмэрэн унгеродяна, урунчэ бинэ. Кирила Петрович тыкуллан. Давдынан эчэн меванман урунмукэнэ. Нунган неливсипчут Шабашкинтыки ичэсинэн, тадук нунгантыкин тыкупчут гунэн:

— Сурукэл эдук, экэл тыкунгитта.

Кирила Петрович, эмукин эмэнмуксэ, дюлэски амаски гиркукталлан кикэрикэтчэнэ. Тар сот тыкулами, нунган туги гиркулингкин.

Тадук Кирила Петрович гунэн, нунгандулан хималэ мурира эмэвдэтын, матакин бикиттулэн хуктывденэ сурурэн. Тулигидэмэклэн мурирди эмэрэн.

Нунган дялдачан, холоктонун матакнунми аяралдыдави, нунгандун упкатван тагдысиннави бикитвэн мучувдави.

Тэли энундери окошкodu тэгэтчэчэн. Нунган Кирила Петровичва тагрэн, дэрэн неливсипчут хунгтуптэн. Энундери умукэчэндиви тулигидетки нунгнитчэчэн, дэрэн неливсипчут тыкупчу бичэн. Нунган дэпэмэдук тэгэмкиндукви илссадякса умнэт бурурэн... Хутэн нунгандулан туксан-

чаран, этыркэн, мэдэгэе ачин, эринэ ачин бинэ хукладечэн — паралич нунганман тыкчэ бичэн.

— Кирила Петрович синэ хангуктадяраң, — иксэ гунэн кэлумэ.

Владимир нунгантыкин неливсипчут ичэсиктэти эчэнэн.

— Кирила Петровичтыки гукэл, химат нунган суругин, эделив нунганман тулигидэдук эрэсивкэнэ — сурукэл.

Кэлумэ урувсипчут туксасинан нюнгэн гуннэвэн улгучэндэви.

Кирила Петрович толгокиду тэгэтчэнэ, долчаттан нунганман. Дэрэн туксучидук долбонидук хактырдымар оран. Нунган тыкундяна инемусинэн, илэвэ неливсипчут ичэсинэн, тадук, тулигидэли гиркумавканденэ, мурирди сурурэн. Умнэт Владимир илэл сигдэлэлэтын эмэрэн, силгиндерит дылгандиви гунэн: — ами ачин оча (мэкчэрэчэ).

ГЛАВА V

Илидутын тырганиду бунивэ нэлчэтын. Кистеневкангил крестьянисал церковва дялупкичал, элэвэр унгеронмар мэнгидувэр нюнгэдувэр будэвэр. Илмакта Дубровский эчэн сонгодёро-вол, эксэритки унгеродяра-вал, эми-вал дэрэн неливсипчу бичэн. Этэрэ хиргэдеми. Владимир тадук илан кэлумэл авсаду нюнгэвэр игалисина бунируктулэ, упкат илэл нгэнэлдыдечэтын. Авсаван чэпкэкэду эирэ. Чэпкэкэвэ дуннэдэрэ, тадук упкат сурувэттэ. Владимир хэлинди упкатва нэрарэн, мосаду халлэн.

Гиркундиви, дэрүкситви тыкупчуви омнгодови, Владимир мосала сигикагдула гороллон. Нунган энэ хоктово тыличэрэ нгэнэдечэн. Гарал нунганман хикидечэтын, осидячатын, — халгарин булэду лэвэрэдечэтын, нунган эя-дэчэн мэдэдэрэ. Нунган эмукин бисиви сот мэдэдечэн. Дю-

дэскинин нунгандун агдычигачирди туксулди даливча бичэн. Троекуровнун булэнмэчинтын хэгдытмэрѳе эрүе эмвэ-мудечэн. Дяданг нунгангин бикичин хунгтулду нгалэлду оссадячан, тарит эрупчу бодо дюлэлэ нунганман алатчэчан. Нунган горово умукэгдэду энэ самнасиа тэгэтчэчэн. Дылача брусиллэкин, нунган иликса, дюлави сурурэн.

Нунган, дагамалденэ, кэтэмэмэвэ илэлвэ ичэрэн; крестьянисал, кэлумэл илэл удурукатчэчатын гулэн тулигидэдун. Владимир горогит янгулирва, турэрвэ долдыран. Гулэ дагадун муртаил ирул илитчачатын. Гулэлэ икитту оки-вал эсил саврэ илэл бичэтын, экунма-вал улгучэмэтчэчэтын.

— Экун тар? — тыкупчут хангуктаран Антонма, нунганман арчамкачавэ. — Тар экур, экун нунгардугтын гэлэвдерэн?

— Ах, ами, Владимир Андреевич, — хануссадяна этыркэн гунэн, — унгилдымэчимнил эмэчэл. Троекуровду мунэ будерэ, синдук мунэ гадяра. Владимир дылви унгикикэрэн, илэл нунганман мурэли илчал.

— Аминмун муннги, — екэтчэчэтын нунгартын нгалэлан нюканидянал, — синдук хунгтуе нюнгэвэр эчэвун гэлэрэ, гукэл, нюнгэ, унгилдымэчимнилнун бу тэрэдэнгэвун, буденэл-дэ, этэрэв гавканэ.

Владимир нунгарватын ичэтчэчэн, авады-вал энги тыливрэ мэдэгэ нунганман хивингитчачан.

— Элкэт илиткаллу, — нунгартыкитын гунэн, — би унгилдымэчимнилнун гумэтчэлим.

— Гумэткэл, ами, — нунгантыкин екэчиллэ, — каравсиниктын харгил.

Владимир хэгдыгулдулэ дагамарэн. Шабашкин, авлача бинэ, олдони туручэ бинэ, илитчачан, бугдыт дагадуви ичэсингнэдечэн. Исправник, туннгадяр аннганингичи гугда-какун дырам бэе, хутама гургактачи, Дубровскийва дагамадеривэ ичэми, чернгазинан, сичэт дылгандиви гунэн:

— Туги, би сунтыки гевдям гундем ури гуннэви: уезднги, унгилдымэткит гуннэлин су эситкэн Кирила Петрович Троекуровнигил бисис.

Владимир тыкундукви хэкулдечэн.

— Кэнэ, гукэллу садав, они тар бисин, — эчэгэчин сарэ бинэ, нунган хангуктаран сэвдепчудук исправниктук.

— Эр туги бисин, — гунэн делтумэ хэгдыгу, — бу эмэчэвун, Кирила Петрович Троекуровду эр авдува алигдавэр, тадук гилтыки илэлтыки гундэвэр, аялгат сурудэтын эдук.

— Су эделивэр илэнгилтыкив гунэ, миндулэ нонон эмэнгэтыл бичэсун, савкандавэр помещиктыки энгэсивэн гавчавэ.

Шабашкин тыкупчут гунэн:

— Си экун бисинни? Помещик бичэ, Андрей Гаврилович Дубровский — бучэ (мэкчэрэчэ), бу синэ эчэвун сарэ, самурэ-дэ эчэвун.

— Хэгдыгул, муннги илмакта нюнгэвун Владимир Андреевич, — илэлдук умукэн дылган гунэн.

— Нги тала амнгави ангарэн, — неливсипчут гунэн исправник, авады нюнгэ, авады Владимир Андреевич — суннги нюнгэсун Кирила Петрович Троекуров, долчатчэрэс, монгносол.

— Туги-кэт э-кат, — тармал дылган гунэн.

— Эр муссэмэтчэрэ, — исправник екэчиллэн. — Эй, сагдагу, элэ эмэкэл.

Сагдагу эмэрэн.

— Бакакал эсиннгэ, нги миннун муссэмэтчэрэн. Эр би нунганман...

Сагдагу илэлвэ хангуктаран — нги гундечэн? Эми-вал упкат симуладечатын, амакан амарила сивутамачиллэ, сотмарит сивуталлэ, тэлиннгэ сивутандук неливсипчул екэр иллэ (ингнуллэ). Исправник аракундымарит гуллэн, алтачилдави дядатчэчан.

— Кэ, эва нунганман ичэтчэрэс, — скэчиллэ илэл, — бэел, — часки нунгарватын.

Илэл хавасина.

Шабашкин тадук хунгтул хэгдыгул хэлинди туксанчара икиттулэ, амардувар уркэвэ тынгнара.

— Бэел, хэркэлгэт, — тармал-да дылган скэчиллэн.

Илэл сотмарит камнилла.

— Этэкэлли, — Дубровский экэсинэн, — монгносол, эдяс тар? Су мэрвэр-дэ, минэ-дэ тагавкатчэрэс, — сурувэткэлли дюлдулавэр, эмэкэлли минэ элкэт. Экэлли нгэлэттэ, тэгэмэр сингнинденгэн, би нунгандукин гэлэдденгэв, — нунган митвэ этэн болгира — мит упкат нунгангилин хутэлин бисип, су муссэмэчиллэксун, они нунган сунэ элбэчилденгэн.

Илмакта Дубровский турэнин, дылганин, бугдыпчу ичэдэн илэлвэ бэрэгирэн. Илэл симургара, сурувэттэ дюлдулавэр, — тулигидэ чэругэрэн, унгилдымэткит членилин гулэду тэгэтчэчэтын. Тадук Шабашкин аракукан уркэвэ нирэн, икиттулэ юрэн унгкеродяна Дубровскийва кэнеллэн нунгарватын элбэтнэлин.

Владимир тыкундяна нунганман долчатчэчан, эя-да эчэн гундерэ.

— Бу дялдарэв синигит бэлэгэдис эду эмэнмудэвэр анигэттавэр. Эситкэн хактыра, синигил илэнгили хоктоду бокондёнгол, — унгилдымэткит членин гунэн.

— Бэлэкэл мунду: гукэл ороктомотьё мунду сэк-тэгидэтын. Унэ нгэриллэкин, бу дюлдулавэр суруденгэвун.

— Омуриливэр одякалли, би эду эситкэн эчэв нюнгэ биси, — Дубровский нунгартыкитын аракукан гунэн.

Туги гуниксэ, нунган ирэн аминми акиттулан, амардуви уркэвэ тынгнаран.

ГЛАВА VI

„Кэ, упкачин этэвчэ, — нунган мэнтыкиви гунэн, — эситыматнэ дючи, колобонгичи бичэв. Тэгэми би дюви балдыдякви, аминми будеквэн (мэкчэрэдеквэн), аминмав бувкэнчэду, минэ дядангит очаду эмэндэнгэ бисим“. Владимир иктэлови диптыкэрэн, неливсипчу дял эмугдэдун балдыдячан. Хэгдыгул дылгартын нунганман исчачатын. Нунгартын омулиривар одячатын, тара, хунгтуе гэлэдчэтын. Эрүпчулвэ дялилан олгатчэчатын. Кэ, упкат чэругэрэ.

Владимир авсала нирэн, ичэчиллэн аминнгасан бумага-нигилван. Локучамал часил дяномукэнмэ часвэ иктурэ. Владимир дукувурва кармандуви нэрэн, свечава гакса, акиттук юрэн. Комнатаду хэгдыгул адечатын. Владимир алтысса-дяна нунгарватын илтэнэн. Уркэ тынгнавача бичэн, — тынгнаптынма эчэ бакара, Владимир гулэлэ мучуран, — тынгнаптын столду бидечэн. Владимир уркэвэ нирэн, онганду дыкэссэдеривэ илэвэ арчаран, — сукэн нгалэддун гилбэнэдечэн. Владимир, тоготой дагамакса, тавинма Архипва тагрэн.

— Эва одяни эду? Эва эду дыкэнчэдenni? — нунган тавиндук ханнуктаран.

— Би омудячав... би эмэчэв... ичэттэви, упкат-ку дюду, — Архип аракукан хэлинчэдэнэ гундечэн.

— Эда-кэ синду сукэ?

— Сукэ-гу эда? — Они-ка сукэе ачин гиркуми. Окитылчэс тара — хэгдыгул мунди мэндыкэтэссэдерэ, хэгдыгул мунгилвэ нюнгэвлэвун бикиттуктын эрэсчэрэ. Э-э, харгил, нунгартын коктыридяра, — упкатва умнэт... мудасала муду даямчат...

Дубровский ичэсиктэн хонираран. Амакака симулакса, нунган гунэн:

— Долчаткэл, Архип, си эчэс аява дялдарэ. Хэгдыгул эчэл мэрдувэр гадяра. Нулкал фонарьвэ, суругэт мин-нун.

Архип нюнгэдукви тогово гаран, печкачагидадун фонарьва бакаран, нуллан нунганман. Тадук дюктэ икиттук аракукан эврэ, тулигидэ дагалин сурурэ. Дубровский часки сурурэн.

Дюр илэл нунгандулан дагамарэ. Нунгартын эрисинэ нунганман, Дубровский Антоннгиа, Гришангиа дылганматын тагрэн.

— Эда су эчэсун адерэ? — ханнуктаран нунгардуктын.

— Экун аденган, — Антон, гунэн, — авадыва бинивэ алат-тэп, нги дялдатчэнга. . .

— Учун, — Дубровский гунэн, — иду Егоровна?

— Нюнгэдыду дюду, акиттуви, — Гриша гунэн.

— Нгэнэкэл, нунганман элэ элгэкэл, ювкэкэл гулэдук упкатва митнгиэвэ илэлвэ. Умукэмэт илэ гулэду эгин эмэн-мурэ, хэгдыгул элэ эмэнмуктын. — Си Антон, мурина ир-чива эмэвкэл.

Гриша сурурэн, тэлиннгэ энинэн эмэрэн.

— Упкат-ку эду? — Дубровский ханнуктаран, — нги-вэл эчэ эмэнмурэ, гулэду?

— Нги-дэ эчэ эмэнмурэ, элэ хэгдыгул тала, — Гриша гунэн.

— Эмэвкэллу элэ ороктоё-вол, соломая-вал, — Дубров-ский гунэн.

Илэл, мурир бикиттулэтын туксасина, таргит ороктово эмэвдснэл мучура.

— Икит хэргидэлин сичикэллу! Туги.

— Кэ, бэел, тогос!

Архип фонарьва нирэн — Дубровский ивэллэкэнмэ нуллан.

— Кэнэ, — нунган Архиптыки гунэн, — би хэлинчэдеми, тынгаркав уркэвэ, нгэнэкэл, химат нинэкэл.

Архип икиттыки туксасина, — уркэ нивчэ бичэн. Архип уркэвэ тынгаран, аракукан гунденэ: тар-ты ниделим алат-чэкэл, мучуран Дубровскийдула.

Дубровский ороктово нуллан, орокто куроран, улды учивулан — упкатван тулигидэвэ нгэрилгирэн.

— Ах, ах, — Егоровна сингнипчут екэчилэн, — Владимир Андреевич, эдяни?

— Симулакэл, — Дубровский гунэн.

— Кэ, хутэл, аят бидекэллу, сурум илэ эксэри элгэс-нэлин: кутучил бикэллу омактанун нюнгэунмэр.

— Аминмун, улимнивун, — илэл гундечэтын, — буденэл-дэ синэ этэрэв эмэнэ, суруделлэв синнун.

Мурир эмэувчэл бичэтын, — Дубровский Гришанун тол-гокиду тэгэрэн гулдырэн Кистеневкангиду мосаду бака-лдыдавэр. Антон мурирва илбэрэн, нунгартын тулигидэдук хавасина.

Сот эдыллэн. Тэлиннгэ улдыт упкачин гулэ куптувран. Хулама сангян гулэ оёклон учивдячан. Стеклол кинггина-дечэтын, бурудечэтын, дяннгэдерил гулэдыл мол бурудечэ-тын, сингнипчул чернгар, екэр илэ: „дегдэдерэв, бэлэкэллу, бэлэкэллу“.

— Тари-ты туги бэлэликтэ, — Архип гунэн, тыкупчут инемуденэ, бадарава ичэтчэнэ.

— Архипкан, — Егоровна гундечэн, — бэлэкэл нунгарду-тын, харгилду, эксэри синэ сингнинденгэн.

— Бэлэликтэ-ты нунгардудын, алатчэктын, — гунэн тавин.

Тэлиннгэ хэгдыгул окошколи ичэвуллэ, дюнмэсэлвэ окош-калва капуссадянал. Таду гулэ дасиптынин упкачин янгу-ргаран капунадяна, чернгар симургара.

Амакан упкат илэл эмэрэ тулигидэлэ. Асал скэтчэнэл хэлинчэдечэтын идэгэлвэр элбэттэвэр, кунгакар микчалудячатын, бадарава ичэтчэнэл. Осисал, тогогочир, учивулла, гулэл дегдэллэ.

— Эсилэ упкачин элэкин, — Архип гунэн, — они дегдэ-дерэн, — а? Покровскоедук ичэтчэми ая бинэн.

Тэлингэ ичэрэн кошкава, дянгэдери гулэ оёдун. Кошка хуктыктэдечэн энэ сарэ, илэ микчандави, нунганман мурэли улды бичэн. Сингнйпчу кошка, сингнйпчут чингэ-денэ, бэлэгэе гэлэдечэн. Ичэтчэнэл хуктыктэдеривэ, кунга-кар сот инектэдечэтын.

— Эда инектэдерэс, харгиткар, — нунгартыкитын тыкуп-чут гунэн тавин, — су эксэрит эчэсуи-гу нгэлэттэ, — эксэри итивнан будерэн, су монгносол урунчэдерэс. Тадук, тукты-вунмэ гулэтки дегдэдеритки иливукса, нунган туктысинэн кошкава ганасинан. Кошка тыллэн ганадериван, хэлинчэденэ осикталдиви тавин уксэдукин лэнггэрэрэн. Лургисивчэ бинэ, тавин кошкатай эвусинэн.

— Кэ, кунгакар, аят бидекэллу, — нунган болгочолтыки илэлэтыки гунэн, — минду эду эя-да энгив одяра.

— Кутучит бидекэллу, экэллу эрут дёнтура. Тавин сурурэн, бадара хата горово эчэн сивдерэ. Тар сивуллэн, эллаал чурбули улдые ачинди хактырду дюсэмэт дянгэдечэтын. Дагалитын Кистеневкангил бивкэлин гиркудячатын.

ГЛАВА VII

Геду тырганиду улгур бадарава упкату бикичилду тылив-кэнэн. Упкат бадарава улгучэндечэтын, хунгтумэлчэт тылив-кэнденэл. Хадылтын илэл тэдевучэнэл гундечэтын, Дубров-ский илэнгилин соктогил бинэл, бунивэ нэдеми, энэл тэрэ-

чэрэ гулэвэ нулчал. Хунгул хэгдыгулдулэ анутчачатын, гуннэл — соктогдёнол омактаду бикитту лургивчэл. Халтын тэдевэ хэнутчэчэтын, гуннэл — Дубровский мэнин, тыкун-дями, нулча. Троекуров, геду тырганиду бадара бидектулэн эмэктэчэн, мэнэкэн тыливсидечэн. Троекуров тыллэн: хэг-дыгул, туги-дэ Владимир Дубровский, Егоровна, кэлумэ Григорий, игэнэвуктэмни Антон, тавин Архип ачир очал, иду-дэ эчэл тыливрэ... Упкат илэл гуяэ хэгдыгул дегдэчэл-вэтын, бадара бингэсин, гулэ оён янгургадянгасин. Лурги-чэл гирамналтын тавувчал бичэтын. Упкатигилдук турэр-дуктын тыличэми, — тавин Архип индечэн. Сот надытча-чатын, гуннэл, — нунган бадарангча. Дубровскийва сот надыт-чачатын.

Кирила Петрович упкатава дукукса, губернатордула дукувунма унгчэн. Унгкилдымэткитту омакта хаван итивувчан.

Амакан хунгтувэ улгурвэ тылчэтын. Идук-вэл чангичил эмэчэл, упкат илэл сот нгэлэлчэл нунгардитын. Тырганиты-кин нунгартын илэлдук дёромидячатын. Чангичил адыка-кун муричилду ирувурду хуктывденэл, тыргакакинду упкат-тулин губернияли нгэнэктэдечэтын, — нгэнэлэ иливканингки-тын, почтава, гулэсэгиладулэ эмэнгкитын, помещикил идэ-гэлвэтын тагдынгкитын, гулэлвэтын нулингкитын. Чангичил хэгдыгутын кэнэвдечэн дяличитви, сингниндеритви... аятви... Нунган дярин улгучэндечэтын элэнивэ: упкат тэдевучэчэтын, гуннэл тар Дубровский бинэн, чангичил ипкэчимнитын. Элэ умукэнди ёндычатын (гайкандячатын), — Троекуровнигил бики-чил энгкитын тагдывдяра: чангичил нунгангилдукин уму-кэмэтье гулэе эчэл тагдыра, умукэмэтье ируя эчэл иливканэ. Троекуров гунденгкин, — тар нунгандукин нгэлэтчэми, энг-китын тагдыра, туги-дэ кэнэденгкин аява полициява, бики-чилдувэр итивнави.

ГЛАВА VIII

Эду дукувдариул улгурил биденгэситын, Кирила Петрович Москвадук, хуюжукэндун хутэдуви, Сашаду, алагумнива французва эмэвкэчэн. Кирила Петрович алагумнива кэнедечэн илэлнун аят улгучэмэтчэрилин, аяли ичэвунгэлин (ичэдэлин).

Дяннадан аннганингичи Кирила Петровичи хунадин, илмактава алагумнива энгкин ичэтмүмэттэ. Маша хэгдыл баясал дялилдитын иргичивчэ, алагумнива кэлүмэт тангичангкин. Кэлүмэвэ энгкин бэет тангичара. Нунган кэтэрэ-кэкун нунганнунин ичэлдынгкин, туги-дэ энгкин улгучэмэт-мурэ. Тадук нунган дярин хунат хунгтувэ улгурвэ тылчэн. Кирила Петрович бикиттун оки-вал амакаткар иргичивдечэтын. Нунгартын покровканги помещик, соткулин эвивурин бичэтын. Нонон, илмакталдутын, амакаткарвэ тырганитыкинду гулэлэ эмэвунгкитын, таду Кирила Петрович нунгарнунтын эвиденгкин, нунгарватын кошкалнун, качикарнун кусивкэтчэнэ. Хэгдытмэсэл очалатын, нунгарватын сэлэмэт уивунди уичэдэнгкитын. Хадылдун нунгарватын гулэ окош-калин дялэгидэлэтын элгэнгкитын, нунгардутын доя ачина бочкая (мурукье) чунгуриркэнигкитын, сэлэмэлди тыпкэ-сэлди тыпкэнивчэе. Амака (хомоты) нгоктангкин нунганман, тадук аракукан нунганман хикисинингкин маналви арки-нгкин, тыкулми, бочкава сотмарит анангкин, сотмарит энут-мэр онгкин. Нунган, тарит, монгнолчогачин онгкин, боч-кала хуктынгкин оредяна. Тагдысиндалатын, нунган туги бочканун кусиденгкин. Хадылдун толгокиду алагивунгки-тын дюрэ амакалэ. Бадерэктын-мал, маталэ тэгэвкэниксэл, тынингкитын нунгарватын, илэ-дэ хуктыдектын. Кирила Петровичи эргэчин эвин упкаттук аятмар тангича-вунгкин.

Илэе ачинду комнатаду, сот демукинмэ амакавэ тынг-нангкитын, гулэ олдондун тулэвчэдук гилдыдук хэркэвунди уингкитын. Хэркэвун нгонимин бичэи упкатван комнатава нгонимлаван исчанга, элэ умукэндулэ оннгандулан, гегиде хэклен бисилэ, хэркэвун албангкин исчами. Комната уркэлэн элэкэс эмэмэктэе матае эмэвунгкитын. Энэлгэчир сарэ, нунганман амакала анангкитын, уркэвэ тынгангкитын, синг-нипчувэ матавэ амаканун дюктэвэ эмэнингкитын. Сингнипчу мата, касиргача корметай, сэксэнэлдэлэви осикачивча бинэ, амакан эчэвэ нгэлум биси оннганма бакангкин. Эми-вал хадылдун гулэ олдонтыкин камнивча бинэ, илана часила иличингкин, ичэтчэнэ мэндукви дюрди гиракталди тыкун-гивчавэ амакавэ. Амака оредянгкин, микчалудянгкин, илги-чинингкин, акчудянгкин маналдиви, нунгандулан истави. Таргачир бингкитын русскай помещик сэвдепчул эвивурин.

Ады-вал тырганил алагумнин эмэнэдукин илтэчэлэтын, Троекуров дёнан нунганман амакаунма тынгнадави. Умнэ-кэн тыматнэ нунганман эрирэн, суруврэн нунганман хакты-рилдули гулэкэрдули. Умнэт, олодокло биси уркэ ниврэн, дюр кэлүмэл алагумнива уркэли анара, тынгниара нунганман. Алагумни амакавэ уивчэвэ ичэрэн, бэйнгэ писканаллан, горо-гит амтатчана матангми, тадук умнэт илгичиникса, нунган-тыкин сурурэн. . . Француз эчэ миярэ, эчэ туксасина, алат-чэчан, хуктынчэдэн. Амака дагамадечан. Дефорж карман-дукви хуюжукэнмэ пэктырэвкэнмэ урисинан, демукин амака урумнгандулин пэктырэнэн. Амака бурурэн. Упкат туксан-чара. Уркэ ниврэн, — Кирила Петрович ирэн эрит ёнча бинэ.

Кирила Петрович тылмудечэн, нги Дефоржтыки улгу-чэниэвэн нунгандин эвивунтэмудеривэн, тадук эда карман-дун төвучи пэктырэвунин бинэвэн. Нунган унгнэн Машавэ

гэннэдэтын. Маша эмэксэ, французтыки улгучэнэн аминми хангуктадариван.

— Би эчэв сарэ амакавэ — гунэн Дефорж, — би окин-нун тэвурвэ пэктырэвунми кармандуви эксэктэдэнгэм.

Маша нунганман ичэтчэчэн ёнча бинэ, тадук гундеривэн Кирила Петровичтыки улгучэнэн. Кирила Петрович амакавэ

човдэтын гунэн, наннаван хигдэтын; тадук илэнгилтыкиви гунэн: — Тар ая илэ, эчэ нгэлэллэ.

Тариптыдук нунган Дефоржва аявулчан, энгкин эсилэ нунганман нгэлэвкэттэ.

Мария Кириловна нян сотмарит ёнан, нунган бучэвэ амакавэ ичэтчэчэн, Дефоржва, амака дагадун энэ нгэлэттэ илитчарива, ичэтчэчэн, нунганнунин улгучэмэтчэнэ. Тэли

нунган элэ тылчэн помещикилдук-та хунгтул илэл эсивэтын нгэлэхэсил биси, тариптыдук илмактава алагумнива аят ичэчилчэн, нунганнунин улгучэмэчилчэн. Машанги аяпчу дылганин бичэн, эвивурди аят алагувдянга бичэн, Дефорж, нунганман эвивурди алагудави гунэн. Маша нунганман сот аявулчан, мэнэкэн аявдериви энэ тэдедерэ.

ГЛАВА IX

Элэхэсиптыду угун (октябрь) бега тырганидун, гулэсэгду Троекуроводу праздник оран. Матал Троекуровнива гулэвэн дялупкира, матадыду гулэду столду дяпкунлярвэ депивурвэ тэвчэл, матал тэгэмкирдүвэр тэгэрэ. Алагумни стол мудардун, хуюкүкэн Саша дагадун тэгэрэн. Тыгэл кингилантын матал турэрнунтын солиптан.

Тэли депкиттулэ Антон Памфутьевич Спицин, уркэли тыеденэ ирэн. Тар помещик, унгилдымэткитту гундечэ, Дубровскийил Кистеневкат хитэклэ мэндкэтэдериwэтын. Нунган нгэлэтчэми, эдэви Дубровскийду тагдысинмура хутакачанми мэнгүтэйвэ, хикэндуви, рубашкан догидадун, нөкчедеритви, эчэн нгунгнэли хоктоли сурурэ, — Кистеневканги аги дагалин бичэли, тарит нунган аманничан.

— Господин хэгдыгу, амакан-гу су Дубровскийва дявадянгасун, — Кирила Петрович гунэн, — оккакун дяваксидярам, хата эрдэлэ албадырас. Би-гу мэнэкэн дяваксидям, эргэндук хэгдыгулдук бэлэгэе энэ алатчэрэ“.

Хэгдыгу гунэн:

— Миннгиду кармандув Владимир Дубровский упкат самэлкилин биси.

— А? — Кирила Петрович гунэн, — тангаллу долчаттав, эмчэ эру биси, бу-дэ садавун нунганнгилван самэлкилван. Эсалдулавун ичэвулми, нунган мундук этэн сучара.

Хэгдыгу кармандуки нянгявчавэ бумагава урисинан, гурэкэрэн нунганман, тадук нгонимкуратчэнэ тангиллан.

Владимир Дубровский самэлкилин, кэлумэлин илэл улгучердуктын дукувчал.

„Балдынадукин 23 аннганил, гугдан дулугу, дэрэн дучама, гургактави хусчавки, эсалин лунгимэл, нюриктэлин игдыамал онгоктон нгунгнэ. Самэлкилин хунгтул: таргачир ачир“.

— Тар элэтын, — гунэн Кирила Петрович.

— Элэтын, — гунэн хэгдыгу, намудяна бумагава.

— Көнедем, хэгдыгу. Экун бумаган? — Эрил самэл-килдулин эимкун, Дубровскийва бакадасун. Нги-кэ эчэ дулугу гугдан биси, нгингил нюриктэлин эчэл игдыамал биси, нгинги онгоктон эчэ нгунгнэ биси, нгингил эсалин эчэл лунгимэл биси. Би тамандули муссэденгэв, си илана часила мэннунин Дубровскийнун улгучэмэтчэденгэс, этэнни хэнурэ, нгинун эксэри синэ бакалдыкча. Он-да энги гунэ, дяли-чил хэгдыгул.

Хэгдыгу бумагава аракукан кармандуливи сичисинэн: симуладяна, нонгнякива девуллэн; эми-вал кэлумэл адыракакун гиркуктачал маталду аракива рюмкалдуктын ун-кутчэнэл.

— Эчэ, — часки гундечэн Кирила Петрович, эчэ, би мэнэкэн онгатыв, мэнгилнунми дюмагулнунми, сурунгэ-тыв чангичилдула. Элэкэс дюрдэрэ илэлэ ун денгэв, нунгар-тын упкатван сигикагвэ гиркудьянгатын: илэл эчэл нгэлэкэсил биси, илэтыкин эмуктэл амакаמידявил — чангичилдук этэрэ-амасикласина.

Эрил турэрдук лэпимэвэ сариви дёникса, Антон Памфутьевич хангуктаран.

— Авгара-гу синнги амакангис, ами Кирила Петро-вич.

— Миша гороё инивкэтчэн, — Кирила Петрович гунэн, — бучэн аяпчут бунитви булэнин нгалэдукин. Тар нунганман давдычан, — Кирила Петрович Дефоржтыки нунгнитчэчэн.

Тадук Кирила Петрович сот урунчэденэ улгучэллэн фран-цузингин амакавэ они вадякван. Нунган сот аявунгкин, мэн-нгилви көнедедэви. Матал аямаат долчатчэчатын улгучэн-деривэ мишангивэ бунивэн, ёнчал (гайкандсчэл) бинэл Дефор-жтыки ичэсингнэдечэтын. Дефорж симуладяна тэгэтчэчэн, энэ надытчара нунган дярин улгучэмэтчэрилвэ.

Иламаюва часилва девдсчэл матал этэрэ девдеми, упкат илла, сурурэ матадыла залдула.

ГЛАВА X

Амакан эвивун эвиллэн (гэеллэн). Уркэ залдула ниврэн, сөвдсчү олан. Алагумни упкаттук кэтэтмэрит икэндсчэн, упкат хунил икэлдэвэр нунганман синмангкитын. Адырака-кун нунган Мария Кириловнанун хоролдөчон. Тэли хунил инектэденэл, нунгарватын сипкитчачатын. Тадук долбони дулмаюдун дэрүчэ нюнгэ икэрвэ этэвкэнэн.

Матал акичилдулавэр сурувэчиллэ. Антон Памфутьевич алагумнинун асиннасинан. Долбони кактырмама бичэн. Де-форж дюлэли хевутчана нгэнэдечэн. Антон Памфутьевич амарду нгэнэдечэн, хадылун даявчавэ хутакачанми мэнгу-тэйвэ хикэнтыкиви тырэтчэнэ, тэдедэви таду мэнгунгилви бисивэтын.

Акиттула эмэксэл, алагумни тогово нуллан, дюктэ тэты-гөлвэр лукилла. Сөктэвуртын хэсэ бичэтын, дюктэ асинэ, алагумни тогово сирэн.

Алагумни амакан коктырилан.

„Коктыридыран харги француз, — дялдуви гунэн Антон Памфутьевич, — минду амив эчэ дялдулав эмэдерэ тара

алатчэкэл — дёромисал нивчэли уркэли-вэл, окошколи-вал иденгэтын, нунганман харгива пушкалди этэнни сэриврэ“.

Дэруксил, араки нгэлэкэсвэн давдылла — нунган аракукан эркичилдэн, тадук амакан амин нунганман давдыран.

Он-ка нунган меллан. Адснэ, нунган мэдэдечэн — нги-вэл аракукан рубашкадукин тандечан. Антон Памфутьевич эсалви турарэн — болонинги тымани нгэридук дюлэдуви алагумнива ичэрэн. Нунган умукэнду нгалэдуви нгалэдыва пэктырэвунмэ дявучадячан, гетви нгалэтиви хутакачанман уйгэлгэдечэн. Антон Памфутьевич бунигэчин оран.

— Аракун, симулакал, — алагумни гунэн русскаит турэнди, — симулакал-гу, буделинни-гу. Би Дубровский бисим.

ГЛАВА XI

Эситкэн тангдаридук гэлэдэрэв улгучэндэвэр он упкат очава.

Станцияду (агичэкишту), хэричэмни гулэдун оннган-ду нгэнэ тэгэтчэчэн, нунган мурира алатчэчэн. Умнэт тулигидэду толгокичил мурир илла. Кэлумэ толгокидук микчанэн, уркэвэ нирэн, тэлиннгэ илмакта илэ, военной сучи, багдама авучи станциянгила хэричэмнилэ ирэн. Амарингадун кэлумэн авсаканмэ иврэн, иливран нунганман окошкаду.

— Мурира, — тар бэе ипкэрэн.

Станцияду хэричэмни хаваталлэн, мэнивуллэн нгэнэ-вуктэмнилэвэ. Илмакта илэ дюлэскиви, амаскиви гулэли гиркукталлан, тадук, станцияду хэричэмни асилан дагамакса, аракукан хангуктаран: — „нги тар нгэнэ“.

— „Авады-вал француз“ — хэричэмни асин гунэн.

Илмакта илэ французтыт турэнди эмэчэнун французнун улгучэмэчиллэн.

— Илэ си нгэнэдечэнни? — илмакта илэ хангуктаран нунгандукин.

— Троскуровдула, — француз гунэн, — би адыкунма аява тылчэв нунган дярин. Эми-вал нунган иланма тысячалва рублила аннганиду тамамудяран, тадук депивун упкачин нунгангин. Миннги энинми атыркан: хавалнадукви мэнгурдук дулинматын нунгандулан унгичиденгэв депивурэн. Хадуктын туннгаду аннганилду умивдянгов байви, элэкинденгэе, энэ хавалла бидэдэв, тадук Парижтула суруденгэв“.

— Сарэн-гу нги-вэл синэ Троскуров гулэдун? — офицер хангуктаран.

— Нги-дэ эчэ сарэ, — гунэн алагумни, — нунган минэ Москвадук эмэвкэнэн, гиркин бэлэгэдин“.

Офицер дялдачиллан.

— Долчаткэл! Они-ка бимчэ, синду дянэ тысячала рублила мэнгурди бучиллэктын, эсиннгэ амаскиви Парижтула сурудэс. Би эчэв мэнэ гундерэ, би синду бумчэв; би элэ гэлэдем, си эду ачин бидэс, тадук мэннгилви бумагангилви будэс.

Француз эсалви бултэкэрэн. Нунган эчэн сарэ, эя гундэви.

— Эр миннгил бумагангилви, си мэнэ гунденни. Эда синду миннгил бумагангилви?

— Си энгэгтыс тара сарэ, би хангуктадым, буденни-гу, этэнни-гу?

Француз хата энэ төдэдэрэ, илмактаду илэду мэннгилви бумагангилви аливран. Тарингин хэлинди ичэтмэлчэрэн.

— Эр синду мэнгур, нгэнэдэкэл амаскиви. Гукэл минтыки тонгноё турэнэви, гуннэ — эрэ упкатван мит элэ дюктэсагат.

— Тэде минги турэнми, — гунэн француз, — мингил бумагангилви. Эя онгатыв би нунгартын ачирдутын...

— Ноноптыду городту гунденгэс Дубровскийду тагдывчави. Синэ тэдеденгэтын, синду буденгэтын гэлэвдериэ бумагала. Авгарат бикэл. Эксэри синду бэлэгин, амакаи Парижтула истас, бакадас авгарава энинми. —

Дубровский гулэдук юрэн, толгокиду тэгэксэ мурирди хуктывусинэн.

Станцияду хэричэмни окошкали ичэтчэчэн, толгоки халчалан, аситкиви экэсчэнэ гунэн.

— Пахомовна, санны-гу эва? Тар Дубровский бичэн. —

Асин хэлинчэдэнэ туксанчаран окошкала, аманниран, Дубровский городу нгэнэдечэн.

Дубровский, французгилва бумагангилван ичэчиксэ, энэ нгэлэттэ Троекуровдула эмэрэн, нунгангидун гулэдун биллэн. Праздник одалан, алагумнит гэрбичивденэ биллэдукин бегамаю илтэнчэн, нги-дэ энгкин надытта дулумну илмакта француз неливсипчу чангит бисивэн. Тар чангит гэрбин упкатва мурэли бидерилвэ нгэлэвкэтчэчэн.

Умукэнду акитту илэнун, мэннгитви булэндиви тангичадяриунми аннгэтчэнэ, Дубровский албачан мангичадыми. Нунган сачан мэнгурукин хутакачанин бисивэн, дялдача, тагдысиндави нунганман. Мит ичэчэт, они нунган ёнмукачан сингнипчувэ Антон Памфутьевичва, алагумникла чангит онатви.

Тыматнэ, егинду часилду, Покровскоеду бикитту аннгэтчэчал матал, амарултат умутэтыкинди матадыла гулэлэ эмэвэттэ. Таду самовар хуюдечэн, тыманисик тэтыгэчи бинэ, Мария Кириловна таду тэгэтчэчэн, Кирила Петрович няи сулэн, олотлон бинэ, барандук чонгтокодукви умдячан. Антон Памфутьевич упкаттук амаргут эмэчэн. Нунган упкачин

хэпкэрэчэ бичэн. Нунганман ичэми упкат ёнчатын, Кирила Петрович хангуктачан авгараван. Спицин энгит тыливрэ гундечэн, нгэлэтчэнэ ичэсингнэдечэн алагумнива, тариннгаду тэгэтчэриэвэ энэгэчин эя-да сарэ. Ады-вал минутал илтэчэлэтын, кэдүмэ ичэн, Спицинтыки гучэн толгоки алатчэриван. Антон Памфутьевич унгерочан упкаттыки, ючэн хэлинчэдэнэ, бокичивдяна-вал, тэлиннгэ суручэн. Упкат эчэтын сарэ, эт нунган туги бинэвэн. Кирила Петрович дялдача гуннэ — нунган энгэни девчэ. Чайтыксал, амакан упкат матал сурувэчиллэ дюлдулавэр, амакан Покровское чэрүмэ оран, упкачин хатаптыгачин оран.

ГЛАВА XII

Ады-вал тырганил илтэнэ, омакта улгур ачин бичэн. Кирила Петрович тырганилтыкинду бэюмиденгкин; Мария Кириловна гиркудянгкин, тангдянгкин, эвивурди алагувдянгкин. Нунган Дефорж ачиндун буливсинденгкин. Дефорж бидерэкин, эвиденгкин нунганнунин, упкатва нунгандукин самудянгкин, окин-нун нунганнунин умукэнду дялду бингкин.

Умнэ хэгдылэ комнатала, зал гэрбичилэ эмэрэн, таду алатчэчан нунганман алагумнин. Мария Кириловна алагумниви дэрэлин тагчан эты-вал халдеча (карача) бисивэн. Нунган амакакан давларэн, эми-вал гунденэ дылви энудеривэн, Дубровский уроква этэрэн, далдяна давлавурвэ, нунгандун дукувунма дяюкатчэнэ аливан. Мария Кириловна акиттулави сурурэн, дукувунми гурэкэрэн, тангнан эрэвэ:

„Эси-тырга, наданду часилду эмэкэл тэгэчимкиндулэ биракачанду, би синнун улгучэмэтнэгэтыв“.

Нунган сот самудечан, — экунма улгучэмэтмудеривэн

Нунган аран алатчэчан ичэлдымэчинмэр тэрува, кэтэрэ часива ичэсингнэдэчэн. Хактыр оддячан, хевула нулла. Кирила Петрович тэгэрэн, эмэмэктэлнул матакилнунми картылди эвиллэн. Депкитту часил дыгиндяр туннгава минуталва надылатын кингилбура, — Мария Кириловна

аракукан тулигидэлэ юрэн, мурэли дариски ичэттэн, тадук ичэлдымэчиндулэвэр туксасинан.

Долбони хактырапчу бичэн, нянгня туксулди куптувча бичэн, — дюрду гиракталду мэндукви эя-да энги ичэрэ бичэн. Мария Кириловна хактырду-вал нгэнэдэчэн сарилдуливи хоктокордули, амакан тэгэчимкинмэ исчан. Таду нунган

илчан, дэрүмкичэксэ, энэ хэлинчэрэ Дефорждула эмэдэви. Эми-вал, Дефорж тариннгаду илитчачан.

— Кэнедем синэ долдычаналис эмэвкэтнэвэв, — нунган хивиндярит дылганди аракукан гүнэн. — Би сот тыкулча бимчэв, эчэ бисикис долдычара. Би часки эду энгэтыв биси... би синэ эмэннгэтыв, си амакан тылденгэс... эделивэр хэрэкэлтэрэ, би синнун улгучэмэтмудем...

Мария Кириловна эя-да эчэн гундерэ.

— Би эчэв си алатчэрис биси, — часки нунган гундечэн дылви унгикэчэ бинэ, — би эчэв француз Дефорж, биси би Дубровский бисим.

Мария Кириловна скэсинэн.

— Экэл нгэлэттэ, си энгэтыс нгэлэттэ миннгит гэрбидив. Э, би — тар кутуя ачин илэ бисим, миндук аминни колобо-нгмов тагдysinчан, эрэсчэн амингидукив гулэдукин, унгчэн, хэгдылду хоктолду тагдыдядав. Эми-вал, мэниклэви-вэл, амиклави-вал си минди энгэтыс нгэлэттэ. Упкачин манавча. Би аминмас сингнинчэв. Долчаткэл, си дярис нунганман сингнинчэв. Би гулэсун дагалин гиркудячав ичэтчэнэ, иду куродан бадара, иргит ивкэ нунганигилян акиттулан, они да-ливка упкатва хоктолвон, эдэн юрэ. Тэли си нгэнэчэс минэ илтэмнэк, миннги меванми асакичигачин очан, — тэли би элэ тылчэв, нги-дэ, синнун умукэнди сэксэт уилдычэдери, энгэтын миндук эруе ичэрэ. Би тэли этэчэв тыкундями. Би тырганилва куктэлвэтын Покровское мосалин дагалитын гиркуктангкив, синнгивэ багдамава тэтыгэвэс горогит ичэдэви. Би суннигиду дюдусун билчэв. Тарил илан надалал — кутучил тырганил бичэтын би дярив. Эрүпчудук бододукив тарил тырганил аят дёнчавдянгатын... Эси би тылчэв улгурвэ, тарит би эду гороё энгэтыв бидерэ. Би эси-тырга синнун хуэтчэлим... эсиннгэ... эделиви сурурэ, би синтыки улгучэнгэтыв мэнми, эдэс минэ хэнгкэтчэрэ. Хадылдун

дэнингнакал Дубровскийя. Садекэл, нунган балдывча бичэн хунгут бидедэви, нунгангин омин синэ аявлэн бичэн, окин да...

Таду кикэсин ултанан, Дубровский симургаран. Нунган хунат нгалэван чавупчарэн. Гевран кикэсин ултанан.

— Сингнинкэл, — Дубровский гунэн, — минэ эридерэ, умукэн минута минэ тагавканденган.

Нунган дариски оран. Хивилча бинэ, Дубровскийнун ичэлдындукви Мария Кириловна дюлави мучудячан. Нунган ичэтчэчэн — упкат илэл сурувэтчэрилгэчир бичэтын, гулэтын, самнадяригачин бичэн, илан мурир илитчачатын. Нунган горогит Кирила Петровичигива дылганман долдычан. Хэлинчэдечэн гулэлэ идэви, эдэви тагивра ачин бичэви. Гулэду Кирила Петрович нунганман арчаран. Матал хэгдыгүвэ мурэли илчал бичэтын, ханнгуктадячатын нунгандукин. Хэгдыгу хоктосик тэтыгэчи, халгардукви дылмаклави усэчи, нунгартыкитын, делумкэтчэригэчин, хивиндяригачин гундечэн.

— Си иду бичэс Маша? — Кирила Петрович ханнгуктаран, — эчэс ичэрэ Дефоржва.

Маша аран гунэн энэви ичэрэ.

— Ичэткэл, — Кирила Петрович гунэн, — хэгдыгу эмэчэ, нунганман дявадави, тэдевучэрэн минэ, тар мэнин Дубровский бисивэн.

— Упкат самэлкилин, — унгеродяна гунэн хэгдыгу.

— Эх, нэкэ, — гунэн Кирила Петрович, — сурукэл эдук самэлкитай. Би синду мэнгиви французва этэм бурэ, эделиви мэнэкэн аят тыллэ.

— Иду-кэ алагумни, — нунган ичэдук кэлумэдукви ханнгуктаран.

— Иду-дэ эчэл бакара, — нунган гунэн.

— Бакактын нунганман, — Кирила Петрович екэчиллэн надычилча бинэ.

Кирила Петрович сотмарит хивинилдэчан. Мария Кириловна нгэлэлчэ, бунигэчин оча бичэн.

— Си хэпкэрэчэ бисинни Маша, — аминин гунэн синэ нгэлэливкэчэл.

— Эчэ, ами, — Маша гунэн, — миннги дылив энудерэн.

— Нгэнэдэкэл, Маша, акиттулави, экэл хивина.

Французва эчэтын бакадяра. Кирила Петрович гулэли амаскиви, дюлэскиви гиркудячан, неливсипчут кикэриденэ. Матал сивутаматчэчатын, хэгдыгу халдеча (карача) бичэн — Французва эчэтын бакара. Нунган саркэ, дыкэнчэ бинэн. Нгидук, они тылиркэ нунган? Тара эчэтын сарэ.

ГЛАВА XIII

Адыкакун тырганил илтэнчэтын, авады-да эру ачин бичэн. Эми-вал, ге аннгани олдяракин, Кирила Петрович бинин сот хунгтупчэн. Иландярдү версталду нунгандукин, со кэтэ авдучи баян князь Верейский гэрбичи бидечэн. Нунган горово хунгтулду дуннэлду бидечэн. Сонкан бега мундандун, Верейский дуннэнгми чагидадукин мучучан, мэннигилэви гулэсэгдүлэви эмэчэн, балдынадуки энэлэви ичэрэ. Эмэнэдукви илидутын тырганиду, Троекуровдула ирэмэсинэн. Нонон нунган Троекуровнун салдыянгкин. Верейский туннгадяр аннганингилн бичэтын, нунганнгин ичэдэн сагдамар бичэн. Авадыптыкир хэлэкэл соктогдёринн, амиа ачир долбонил нунганнгиван авгараван ембугичэл. Эми-вал дэрэн ичэдэн ая бичэн, савканан илэлнун биде-дэви ичэвкэтчэчэн илэлнун, асалнун аят бидеривэн. Нунган сот хуркэиндечэн.

Кирила Петрович нунган эмэнэдин сот урунчэ бичэн гуннэ, матангин городу бичэ элэнивэ сарэн.

Гулэду Мария Кириловна Верейскийва арчамкачан.

Этыркэн ёнчан, гудейвэн ичэми. Троекуров матавэ хунатви дагадун тэгэвкэнэн, мата дагадун бидеритви урунчэ бичэн. Хунат нунганман сот долчатчэчан аят улгучэндеривэн.

Кирила Петровичу сот-вал бокичивдяна, Верейский, тэлиннгэ девуксэ-нун, суручэн. Кирила Петровичва Мария Кириловнанунма мэндулэви эмэвкэтчэн. Хэгдыкэтчэри Троекуров эмэмэчин очан, нунган Верейский баянман, тадук князь гэрбивэн тангичадячан мэннунми урэчит бисивэн.

Матангитын бинэдукин дюр тырганил илтэчэлэтын, Кирила Петрович хунадинан Верейскийдүлэ ирэмэсинэн. Нюнгэ маталвэ тулигидэдуви арчамкаран, нгалэви аливран илмактаду гудеипчуду. Нунгартын аямамала хэгдылэ комната-тала, зал гэрбичилэ, ирэ, таду стол иланди хунгтумэлчэл депивучит тэвувчэ бичэн. Князь матангилви окошкала эмэврэн, нунгартын дюлгидэдувэр аяпчува ичэрэ. Окошкөл нгегидалитын бира Волга эендечэн, тали тэвучил хэгдыл дявил эдынди нгэнэвучил нгэнэдечэтын, олломочивур, дявил деринэдечэтын. Бира баргидадун хэрэлгэсэл, агласал ичэвдечэтын, ады-вал гулэсэгэл чагидавэ аянгичадячатын.

Этэчэлэтын девдэми, нюнгэ матангилтыкиви гунэн балдыгавчала мосала сурудэвэр. Тыргани эденгэт мэдэврэ илтэнэн, долбонтонони олан. Князь Верейский, силэксэт нгэлэтчэми, хэлинчэдечэн дюлавэр мучудавер. Ирчэ чайнгитын нунгарватын алатчэчан. Князь Мария Кириловнава гунчэн, нюнгэклэ бидэн сагды холондэк дюдун.

ГЛАВА XIV

Мария Кириловна нивчэду окошкаду тэгэтчэчэн уивурду (сэрэвурду) уйдэнэ (сэрэдэнэ).

Умнэт окошколи нгалэ аракукан ичэвуллэн — нги-вэл уивурду (сэрэвурду) дукувунма нэрэн. Тадук халлэн, Мария

Кириловна эделин тыллэ. Тэди кэлумэ нунгандулан ирэн нунганман Кирила Петровичтула эмэвкэттэн. Нунган сот нгэлэлчэ бинэ дукувунма дярэн, тадук хэлинчэдэнэ аминдулави сурурэн.

Кирила Петрович эчэн эмукин биси, князь Верейский нунгандун тэгэтчэчэн. Мария Кириловна эмэрэкин, князь иллан, симуладенэ унгкероран, мэмбэчэ бинэ.

— Дагамакэл элэ, Маша, — Кирила Петрович гунэн, — улгучэнделим синтыки улгурвэ синэ урунмукэндэнгэвэ. Эр синду эдынгэтыс, князь синэ мангарактадыран.

Маша донготочогочин оран, дэрэн упкачин бунигэчинди хэпкэрэрэн. Нунган симуладячан. Князь нунгандулан дагамарэн, нгалэдукин дяваран, тадук, тыкулчагэчин бинэ, хангуктаран:

— Эчэ-гу бадерэ нунган кутучингдави нунганман.

Маша симуладячан.

— Эчэ бадерэ, тэде-ты эчэ бадерэ, — Кирила Петрович гунэн, — си санни князь; хунатту ургэпчу, гундэн эрэ турэнмэ. Кэ, хутэл, нюкалдыкалуу, кутучил бикэлли.

— Маша энэ самнаси илитчачан, сагды князь нунган-нгиван нгалэван нюканан. Умнэт инамукталви хэпкэрэчэди дэрэлин ээсинэ. Князь аракукан саримикталви хоникарэн.

— Нгэнэдекэл, нгэнэдекэл, нгэнэдекэл, — Кирила Петрович гунэн, — тэсикэл инамукталви, тадук мундулэ мучукал урунчэ бинэ. Нунгартын упкат сонгодёвкил тэдэвми, — часки нунган гундечэн Верейскийтыки, — тар нунгаргитын итытын... Эситкэн, князь, улгучэмэткэт сурувукин дярин.

Мария Кириловнаду ая бичэн, гунэктын сурудэн. Нунган туксасинан акиттулави, уркэвэ тынгнаран, тала сот сонгодёчон, мэдучэдэнэ этыркэннги князьнги асин очави: нунгандун этыркэн со эрупчу бичэн... Мирэнмэчилиин сот нгэ-

лэвсипчу бичэн... кэсэгичивунгэчин, олодсогочин бичэн. „Эчэ, эчэ гевдяна дюрэ гундечэн, нгэлэлчэ бинэ, — аятмар буми, аятмар монастырьдула суруми, аятмар биденгэн, Дубровскийду мирэнэкив“.

Таду нунган дукувунма дёнан, тэлингэ тангиллан, мэдэтчэнэ нунгандукин дукувун бисивэн. Тэде, дукувун бичэн нунгандукин, дукувчал бичэтын эргэчир турэр:

„Долболтоно дяндү часилду, холоктоду ичэлдыдектувэр“.

ГЛАВА XV

Бега гарпатчэчан, люганинги долбони чэрүмэ бичэн, хадылдун эдыкэн нэлдылингкин, тадук эюмкун качулин балдыгавчали мосали ултанингикин.

Гудеипчу илмакта, хаяннгачин, тэрүвчала ичэлдыкиттулэ дагамаран. Кэнэ, нги-дэ эчэн ичэврэ, умнэт тэгэчимкин чагидадукин Дубровский ичэвуллэн.

— Би упкатван сами, — нунган хунаттыки аракукан, хивиндэрит дылгандиви гунэн.

— Эсидукис аяврэ илэдүк сучадас, би бэлэмчэв.

— Эксэри дярин, экэл иличэрэ нунганман, минэ аявми, экэл эра-да нунганман, миндули эхун-мал неливсипчу одан, би эчэв гэлэдерэ...

— Би этэм эра-да нунганман, синнгивэ дялвас би долдычадым. Они-ка бэлэденгэв синду эрупчудук аминдукви сучадас?

— Би дялдадем, сот сонголлокив, нунган минэ сингнинденгэн. Нунган со хусикин, эми-вал нунган минэ сот аяврэн.

— Экэл хитэклэ дялэчэрэ. Нунган синнгивэ дялвас хуски, мэннгиви дяли долдычавкачидянган; синэ бадери-

вас сурувденгэтын, синнгивэ бинивэс буденгэтын, этыркэнди эдытэдэс...

— Тэли, тэли си гэннэдэви минэ, — би синнги асис одянгав.

Дубровский силгилэн, хэпкэмэ дэрэн хутаргаран, тэлингэ нян холоктодук хэпкэмэтмэр оран. Нуңган дыли унги-кэчэ бинэ, горово симуладячан.

Тадук нунган аракукан энгэнелин кунглэрэн, аракукан нунганман мевантыкиви камниран. Хунат тэдедеригэчин илмакта чангит мирэткин дыли унги-кэрэн. Дюктэ симуладячатын.

Гороконма туги биксэл, „Кэ элэкин“ — Маша гунэн. Дубровский амидукви мелчагэчин оран. Нунган нгалэдукин дяваран, умукэчэндун унякаптунма тэтыврэн.

— Миннги бэлэгэв синду гэлэвуллэкин, — нунган гунэн, — эмэвдэви унякаптунма элэ, нунганман эр мо конгкилин сичи-синдэви, — тэли би саденгав эя одави.

Дубровский нунганнигиван нгалэван нюканын, халлэн мол сигдэлэлдулитын.

ГЛАВА XVI

Князь Верейский мангарактадыриван упкат матакил сачатын. Кирила Петровичва мэндудечэтын, хунат мирэлмэчиндулэн итыгадячатын. Эми-вал, сагдынун эдынгэтуинми нунган энгкин элэтки улгучэмэттэ. Князь тарит энгкин хивина. Нунган аявмэчинман энгкин хивина, нунгандун элэкин бичэн, хунат симуладяна мирэндэрэкин.

Эми-вал тырганил илтэндечэтын. Маша дялдарэн балдави мирэндеми, — Верейскийдулэ дукувунма унгэн. Нунган, эмукин бинэ, дукувунма тангнан, асуматыт эчэ сингнинэ асингатын алтатчариван. Нунган дялдарэн, хэлинчэдэви,

амакан асилалави, тарит дядларэн дукувунма асингатын аминтыкин ичэвкэндэви.

Кирила Петрович сот черкачиллан: князь нунганман аран-аран алтаттан Машатки эдэн гунэ дукувунма ичэвкөн-нэвэн. Кирила Петрович гунэн эдэви тара тыливкэнэ, эми-вал дядларэн геду тырганиду мирэлмэчинмэн.

Тулигидэдук князь халлэкин-нун, Кирила Петрович Машала эмэрэн, гунэн тэгэмилэ итыгача бидэн. Мария Кириловна, тыкулча Верейский улгучэндин, аминми хал-гардулан унгеродяна сот сонголон.

— Амикан, — скэчилэн нунган сингнипчут дылган-диви, — амикан, сингникэл минэ, би эчэв князьва аявдерэ, би эчэв нунгангин асин бимудерэ...

— Экун тар бисин, — тыкулча бинэ гунэн Кирила Петрович, — си эрдэлэ симуладячас, эчэс бадерэ. Эситкэн упкачин этэвчэлэн, си дялданни муссэлдэви. Экэл монгно-котта; тарит си минэ этэнни тэптырэ.

— Сингникэл минэ, — дюптыдчачан сингнипчу Маша, — эли си минэ мэндукви эрэсчэнни, минэ бутчэнни эсидув аяврэ бэеду, би синду эчэв-гу гэлэвдерэ, би синнун эмэн-мумудем. Амикан, би ачиндув, синду буливсипчу одянган, нян буливсипчутмэр одянган, дэнакис минэ кутуя ачинма. Амикан! Экэл энгэситви мирэнмукэттэ, би эчэв мирэму-дерэ.

Кирила Петровичту сот сингнипчу бичэн, эми-вал эчэн ичэвкэнэ синггиндериви, аначан хунатви мэндукви, тадук тыкупчут гунчэн:

— Эр упкачин хитэн, долдынни-гу! Би синдук аятмарит сам экун синду гэлэвдеривэн, кутучи бидэс. Инамукталли синду этэрэ бэлэрэ, — тэгэмичагуду сингни мирэлмэчинни одянган.

— Тэгэмичагуду, — скэсинэн Маша, — Эксэрией! Эчэ,

эчэ, энгимэмэ, туги эденгэ биси! Амикан, долчаткэл, си маннит дядлача бисикис, минэ бадеривэ будэви, би-дэ элбэчимниэви бакадянгав. Си тара эчэс дялдатчэматтэ, си ичэденгэс, си тэли сот нгэлэденгэс, тарбанди си минэ тыкунгинни.

— Экунма? экунма? — гунэн Троекуров, — нгэлэвкэт-чэнни? — Минэ нгэлэвкэтчэнни, муссэн асаткачан! Си санни, би эя одянгав? Си тара эчэс дялдатчэматтэ! Си минэ нгэлэвкэтчэнни элбэчимнитви. Ичэтчэт, нги одянган элбэчимнис.

— Владимир Дубровский, — Маша тыкулча бинэ гунэн.

Кирила Петрович дялдуви гунэн нунган монгнолчо бинэн, нунгантыкин ёнча бинэ, ичэтчэчэн.

— Ая, — нунган гунэн горово симулачалави, нгис-дэ алатчэкэл мэндуви элбэчимниэви. Кэнэ тэгэтчэкэл эр гулэ-кэнду, си эдук этэнни юрэ мирэлдэлэви.

Туги гуниксэ, Кирила Петрович юрэн, амардуви уркэвэ тынгнаран.

— Маша дялдуви мэдэтчэчэн, долболтоно Дубровскийва бакамачинми балдыгачивчаду мосаду тэгэчимкин дагадун. Нунган дядларэн, лунгтырэллэкин, нунганман алатнасин-дави. Лунгтырэлдечэн. Маша итыгача бичэн, уркэн тын-гнавунди тынгавча. Нунган тэгэвкэкичкэчинду бичэн. Уркэ чагидин кэлумэ нунгантыкин гундечэн, Кирила Петрович гуннэвэн, эдэтын тынэ. Сот тыкулча бинэ, нунган окошко дагадун тэгэчэн, долбони дулмаюлан тэгэтчэчэн. Энэ тэтыгэви лукта, энэ самнара хактырапчува нянгява ичэтчэчэн. Тыргалчалан нунган эркичилчэн, урумкүкэн амин хивипчулди толкирди сэриувчэн, элэкэс юдери дылача гарпалин нунганман сэриувчэтын.

ГЛАВА XVII

Нунган меллан, элэкэсиптыт дялдуви дёнан мэннгиви биниви. Нунган кингилбуран, хунат ирэн. Хангуктавдяна улгучэндечэн Кирила Петрович гуннэвэн, эдэтын хунатван гулэкэндукин тынэ, ичэтчэдэтын, нги-дэ эдэн нунганнуин улгучэмэттэ. Тадук тылчэн эчэлвэ итыгадяра мирэлмэчиндулэн. Упкатва улгучэниксэ, хунат Мария Кириловнава эмэнчэн, нян уркэвэ тынгячачан.

Эрил турэр сот тыкунгира илмактава хунатвэ: дылдун хуюдечэн, сэксэн угэдеригэчин бичэн. Нунган дялдачан упкатва Дубровскийтыки савкандави, бөлэгэе гэлэктэлчэн. унякаптунма тэрүвчала конгкичила мола унгдэви. Тэли дёлокон окошколин нарэн, стекло кингиналлан — Мария Кириловна сигинан, тулигидэду ичэрэн хуюкүкэнмэ Сашава, делумкэн нунгантыкин насанадярива. Нунган садечан Саша аявдериван. Ичэми нунганман, урунчэн. Нунган окошкова ничэн.

— Дорово Саша, — гучэн нунган, — эда си минэ эриденни?

— Би эмэчэв, эки, синдук тылдэви, эчэс-ку эя-вал гэлэдэрэ? Амикан тыкундяран, упкаттыки гучэн, синэ эдэтын долдычара. Си гукэл минтыки эя-вал омуи, би элэние одянгав си дярис.

— Аявтив миннги Сашаканми, долчаткэл; си санни холоктово конгкичива мова тэгэчимкин дагадун?

— Сами экикэн.

— Си минэ аявми, химат туксактакал тала, нэкэл конгкиду эр унякаптунма, элэ аят тэрэчэнэ, нги-дэ синэ эгин ичэрэ.

Эр турэрвэ гуниксэ, нунган унякаптунма нунгандулан нодарэн, окошкова сомнан.

Хуркэн унякаптунма гаран, химамамэт туксасинан — иландули минуталдули тэрүвчавэ мова истан. Таду нунган иллан хануссалча бинэ, мэнми мурэли ичэсингнэрэн, унякаптунма конгкиду нэрэн. Аяканди этэксэ хавави, нунган тэлиннгэ дялдачан Мария Кириловнатки углүчэндэви. Умнэт хутама, учики ландума хуркэчэн тэгэчимкин чагидадукин дерисоран, мола туксанчаран, нгалэви конгили сичисинэн. Саша улүкидук химатмэрит, нунгандулан туксанчаран, дюктэт нгалэлдиви нунгандукин лэнггэрэрэн.

— Си эва одяни эду? — нунган тыкупчут гунэн.

— Синду-кэ экун? — гунэн хуркэчэн сучассадяна

— Эмэвкэл эрэ унякаптунма, хутама муннукан, — Саша сэтчэчэн, — эсикис бурэ би синэ кэсэгиделим. Энэ он-да гунэ, тарингин нунганман дэрэлин колторон, эми-вал Саша нунганман эчэ сучавра, — элэкэндиви дылгандиви екэчиллэн:

— Дёромисал, дёромисал — элэ, элэ!..

Хуркэчэн сучассадячан нунгандукин. Нунган Сашадук сагдамар ичэтми бичэн, нунгандукин сотмар, энгэситмэр биркэ, Саша нян богиматмар, химатмэр бичэн. Нунгартын окива-вал минуталва нгорчадячатын, тадук хутама хуркэн давдычан. Нунган Сашава дуннэлэ буричэн, нунганман билгадукин чавупчачан. Эми-вал, тэли энгэси нгалэ хутама хуркэн нюриктэлдукин лэнггэрэрэн. Молва балдыгачимни Степан нунганман дуннэдук аршин калтакамачинман угиррэн.

— Си эда дугденни хуюкүкэнмэ баянчиканмэ... — гундечэн молва балдыгачимни.

Саша тэлиннгэ сучаран.

Молва балдыгачимни хутамава хуркэнмэ баянгила тулигидэлэн элгэсинэн. Саша амарду эмэдэчэн, касимчалвэ, нянгиавчалвэ тэтыгэлви хивиндяна ичэсингнэдэнэ. Умнэт

упкат илани Кирила Петровичва, мурир бикичилвэтын ичэнэдеривэ, арчара.

— Эр эхун? — нунган Степанмэ хангуктаран.

Степан урумкүкэрди турэрди улгучэнэн они бинэвэн. Кирила Петрович аямаат долчаттан.

— Си эли нунганнунин кусилчэс? — Кирила Петрович Сашава хангуктаран.

— Нунган конгкидук унякаптунма дөрөмочон. Амикан, ипкэкэл унякаптунма будэн.

— Авадыва унякаптунма, авадыдук конгкидук?

— Эки Мария Кириловна гучэн мийтыки, конгкиду нэнэдэв унякаптунма, би туксактачав, нэчэв конгкиду унякаптунма — эр кирипчу хуркэн...

Кирила Петрович ичэсинэн кирипчутки хуркэнтэки, неливсипчут нунгандукин хангуктаран:

— Си экума бисинни?

— Би баясалнги Дубровскиилнги илэнгитын бисим, — гунэн хутама хуркэн.

Кирила Петровичнги дэрэн хунгтуптэн.

— Амикан, ипкэкэл нунганман, унякаптунма будэн, — гунэн Саша.

— Симулакал, Александр, — гунэн Кирила Петрович.

Си, учики, унякаптунма букэл, дюлави нгэнэдэкэл.

Хуркэн колтови гурэттэн, ичэвкэнэн нгалэдун эхун-да ачин бисивэн.

— Ая, — Кирила Петрович гунэн, — тынгнавка нунганман иду-вэл, тыгичивкэ, эдэн туксанэ. Туксанэкин, тэли улкатук дюмагулдукин кикикталватын илэтчэнгэв (нюлатчэнгав).

Степан хуркэчэмэ гулэ оёлон элгэрэн, тала нунганман тынгнаран.

„Эду эхун-мал сумэчивденэн. Нунган харгинун Дубровскийнун бакалдычанми тала сулача. Тэде-гу нунган эмэвкэ-

чиркэ нунганман элбэчимниэви?“ — кирила Петрович дял-датчэчан комнатали гиркуктадяна, тыкупчут кикэриденэ: „— Би бакача-ты бинэм имэкирвэ удялван, нунган эсилэ эден-ты мундук сучара. Эрит бу бэлэгэтэдэллэв. Кэ! Конгактэ, эксэрий, тар хэгдыгу“.

— Эй, элгэкэллу элэ дявавчавэ хуркэчэнмэ.

— Мурир тулигидэлэ эмэрэ, хэгдыгу комнатала ирэн упкачин намнэравча бинэ.

Кирила Петрович таринигаду улгучэллэн тымарва хуркэнмэ дявадыквэр, энэ Мария Кирилинвава дэнтүра.

Хэгдыгу аямаат долчаттан, хуюкүкэнмэ хуркэнмэ кэтрэкэжун ичэсингнэденэ. Хуркэн монгонди мэнми оканча, эгсэ эя-да сарэ бисивэ.

— Би эмукир улгучэмэтмудем синнун, — хэгдыгу гунэн.

Кирила Петрович хунгтулэ гулэкэндүлэ нунганман суруврэн, амардувар уркэвэ тынгнаран.

Час калтакан илгэнчөлэн, нунгартын нян юрэ. Хуркэн алатчэчан, он-мал гундэтын нунган дярин.

— Би синиклэ дысутчэм, — хэгдыгу гунэн, — гэлэм, синэ сингниндэтын, хэркэгэлгэкэллу нунганман.

Хуркэнмэ хэркэгэлгэрэ.

— Мэндүкэл баянма, — гунэн хэгдыгу.

Хуркэн, баяндула дагамакса, нгалэван нюканан.

— Нгэнэдэкэл дюлави, — Кирила Петрович нунгантын-кин гунэн. Хуркэн юрэн — урувсипчут микчанденэ, тадук агландули Кистеневкатки туксасинан энэ эчэсингнэрэ.

Лунгтырэлдечэн. Митя Кистеневкангива агива исиссаячан. Дюрвэ дядгялва исикса, аги дяпкадун этэмнилгэчир илитчарилва, нунган иллаң, мурэли ичэсингнэрэн, игдыпчут кикэнди нгонимкуратчэнэ кикэсинэн, тадук долчачилан; аракундымар нгонимкуратчэри ге кикэн иллэн, нгивэл агидук юрэн, нунгандулан дагамаран.

ГЛАВА ХҮШ

Кирила Петрович дүлөски амаски залдули гиркуктадячан, мөннгиви давлавунми эммутмэрит кикэрикэтчэнэ. Упкачин гулэн хукусинмудеригэчин бичэн, кэлүмэл туксактадячатын, хунил хаватадечатын, хуктывуктэмнил каретава (хакува иривунма) тэвдсчэтын. Тулигидэду илэл умилчачатын. Хунат тэткиттун, ханянма ичэчивун дүлэдун, аси кэлүмэлнун, асаткарнун хэпкэрэчэвэ Мария Кириловнава тэтывдечэн.

Уркэ ниврэн.

— Мирэндери итыгача, — аси Кирила Петровичтыки гунэн, — гукэл толгокиду тэгэдэн.

— Кэ, эксэринун, — гунэн Кирила Петрович, — тадук, столдук эксэригэ гаран, — дагамакэл миндулэ Маша, — гунэн нунгантыкин сонголиссадырит дылгандиви, — благо-словадям синэ.

Сингнипчу хунат аминми халгардун бурурэн, сот сонголон.

— Амикан... амикан... — сонгодёно нунган алтатчэчан, дылганин экисэчэ бичэн.

Кирила Петрович хэлинчдечэн, амакан этэдэви. Хунатвэ угиррэ, угамадянал каретала суруврэ. Нунганнунин тэгэчэтын эниклэ биси аси, тадук кэлүмэлин асаткар умукэнтын. Нунгартын церковьтыки хавасина. Тала эдынгэтын нунгарватын алатчэчан. Нунган арчамкачан асингатви, ёнчан хэпкэмэдин, хунгтупчэт ичэдэдин. Нунгартын дюктэ ингнипчулэ, доя ачиндула церковьдула ирэ, амардутын уркэвэ тынгиара. Поп гулэкэндук юрэн, тарингаду ноноллон. Мария Кириловна эя-да эчэн ичэтчэрэ, эя-да эчэн долчатчэрэ. Дялдатчэчан элэ умукэнмэ, — тымардук нунган Дубровскийва алатчэчан, асуматыт эчэн омнгодёро эмэдэнгэвэн.

Поп этэчэн. Хунат мэдэчэн эсингиви аяврэ эдыви хемурипчува нюканман, нунган долчатчэчан урувсипчут мэндудерилвэ илэлвэ, хата эчэн тэдедерэ сэвдепчу бинин манавчаван, Дубровский тыннэмэчинмэн. Князь нунгантыкин алтатчэнэ гундечэн, нунган эчэн тылдерэ турэрвэн, нунгартын церковьдук ючэтын, Покровскоедук илэл, тулигидэвэ дялупкичал бичэтын. Хунат химамамэт этатви илэлвэ ичэтчэн, нян эчэгэчин мэдэдерэ очан. Илмактал каретаду тэгэрэ, Арбатовотки хуктывусинэ. Тартыки Кирила Петрович суручэ бичэн, тала илмакталва арчамкадави. Нунгартын дяммювэ версталва хуктывчөл бичэтын. Мурир гулэсгил сигдэлэлдутын хоктолдули химат хуктыдечэтын. Умнэт екэр (тэпкэр) улталла, мурир илла, кэтэмэмэ усэчил илэл нунгарватын мурэли хакура, даливча илэ дэрэн, карета уркэвэн никсэ, гунэн хунаттыки:

— Си тынмучэ бисинни, юкэл!

— Экун тар бисин? — экэчиллэн (тэпкэллэн) князь, — нги бисинни?

— Тар Дубровский, — гунэн асин.

Князь эделиви миярэ, кармандукви нгалэдывэ пэктырэвкөнми урисинан, даливча илэ дэрэвэн пэктырэнэн. Асин чернгасинан, тадук сот нгэлэлчэ бинэ дюктэтви нгалэлдиви дэрэви даллэн. Дубровский мирэливи гэвуннгибчэ бичэн, сэксэ ичэвулчэн. Князь, энэ удара, гева пэктырэвкөнми урисинан. Эми-вал нунгандун эчэл бурэ пэктырэндэн, уркэ ниврэн, оки-вал энгэсипчул нгалэл нунганман каретадук танэ, нунгандукин пэктырэвунмэн тагдысина. Нунган оёклон пуртал килунэллэ.

— Экэллу иличэрэ нунганман, — Дубровский гунэн, тыкулчал бинэ нунганигилин гиркилин дариски ора.

— Си тынмучэ бисинни, — часки гундечэн Дубровский сингнипчутки хунаттыки.

— Эчэ, — нунган гунэн, — аманнича бисинни — би церковьдулэ гиркуча бисим, би князь Верейский асин бисим.

— Эва тар си гунденни, — Дубровский тыкупчут экэчиллэн (тэнкэллэн), — эчэ, си эчэс асин биси, синэ бадеривас мирэнмукэчэтын, си окин-да эденгэ бичэс мирэнэ.

— Би нгалэдалдыча бисим, би турэнмэ бучэв, — нунган гунэн тэденгитви, — князь миннги эдыв, гукэл нунганман тындэтын, эмэнкэллу минэ нунганнуин... Би эчэв улэккитчэрэ. Би горово алатчэчав синэ... Эситкэн эсилэ гундем синтыки — аманнича бисинии... Тынкэл мунэ. —

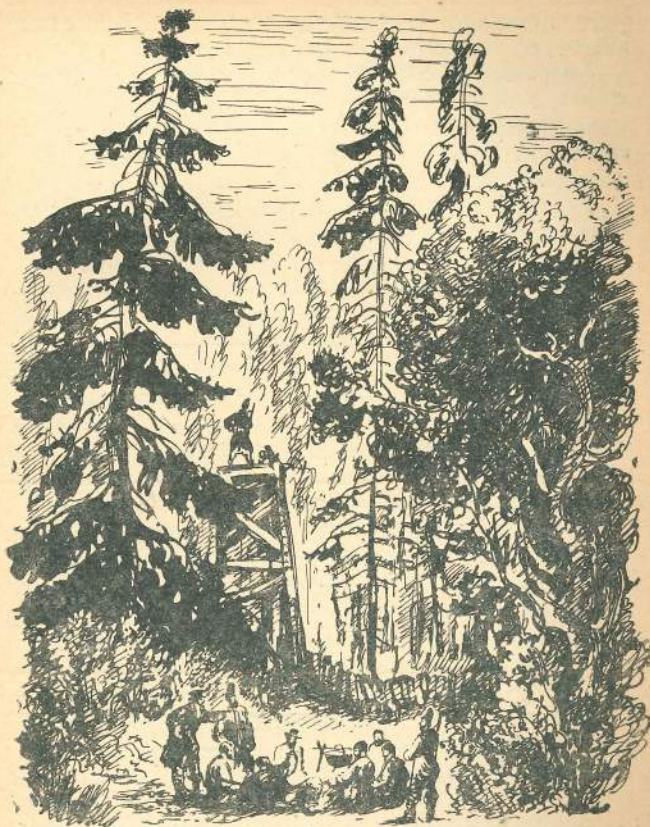
Эми-вал Дубровский эчэн долчатчэрэ, энупчу, тыкупчу бисидукин энгэсин ачин бичэн. Нунган окива-вал турэрвэ нян гунэн, гиркилин нунганман муринду угувра, дюр нунганман туручэдечэтын эдэн бурурэ, илтын мурина усидукин элгэсинэн. Упкат дариски сурурэ, каретава хокто дулиндун, илэлвэ хэркучэдериловэ, мурирва усигэвчэлвэ эмэнэ.

ГЛАВА XIX

Аги дулкакиндун, силимкукэнду аглакачанду хуюкукэн дуннэмэ куре ичэвдечэн. Чагидадун ады-вал аннгэл (калтамнил) бичэтын. Тулигидэду кэтэмэмэ илэл, хэгды калантын дагадун тэгэтчэнэл, авура ачир девдечэтын. Нунгартын хунгтутыкирдули тэтыгэдуливер, усэдуливер, чангичилва урэчэтын. Куре оёдун, хуюкукэн пушка дагадун тыгичимни тэгэтчэчэн халгардиви хэвитчэнэ: нунган тэтыгэви нэмэсиптынди санганэдечэн, инмэвэ дявучадяна ая уллилэннгэчин. Нунган кэтэрэ мурэли ичэсинггэдечэн.

Чангичил этэрэ девдеми, хадылтын калтамнидулавэр сурувэттэ, хадылтын агитки сурувэттэ, гил асинэ.

Тыгичимни хавави этэрэн, пушка оёдун угран,

тадук упкачидин дьлгандиви учэлэптывэ буливсипчувэ давлавунмэ давлалэн.

Тэли умукэнду калтамниду уркэ ниврэн, багдама авучи атыркан уркэду ичэвуллэн.

— Этэкэл янгдүдями Степка, — нунган тыкупчут гунэн, — нюнгэ адерэн, си элэ экэтчэдэви-нун санны, — каравсисвал сингнинивунис-вэл ачин.

— Тэдэвэ гунденни, Егоровна, — гунэн Степка, элэкин, этэделим, нюнгэт адегин, авгарадегин.

Атыркан сурурэн, Степка курели гиркуктаалан.

Атыркан юдектун калтамни догидадун гэвуннигивчэ Дубровский эксэктэсикту амкиндун хуклэдечэн. Нгегидадун столкандун нунгангилин пэктырэвурин хуклэдечэтын, дылин оёклон токтовунин локучадячан. Дубровский нгалэдуви ангавчавэ книгава дявучадячан, эсалин нимнгинчэдечэтын.

Дубровский умнэт богисоран — куредутын упкат сэри-вувчэл — Степка окошколи Дубровскийдула сигинан.

— Ами, Владимир Андреевич, — экэчиллэн (тэпкэллэн) нунган, — митнгил самэлкива бучэл, митвэ гэлэктэдэрэ.

Дубровский амкиндукви микчанэн, пэктырэвурви чавупчарэн, калтамнидук юрэн. Чангичил янггудянал тулигидэду дялулчал бичэтын, нунган ичэвулчэлэн чэрүмэт симургара.

— Упкат-ку эду? — Дубровский ханнуктаран.

— Упкат, элэ тыгичимнил ачир, — гунэ нунгантыкин.

— Бикичилдулэвэр! — ипкэрэн Дубровский.

Чангичил упкат мэннгилдулэвэр бикичилдулэвэр ора. Эсиннэгэ илан тыгичимнил курела икиттулэ туксара — Дубровский нунгартыкитын арчаптыки сурурэн.

— Экун бисин? — нунган ханнуктаран.

— Солдатыл агиду, — гунэ нунгартын, — митвэ хакудяра.

— Дубровский гунэн, курела икитвэ тынгнадатын, мэнэ-кэн пушкава еруктанасинэн. Агиду ады-вал дьлгасал

ултана, — дагатмарит улталла, чангичил симуладянал алатчэчатын. Умнэт илан-гу, дыгин-гу солдатыл агигит ичэвуллэ тадук тэлиннэгэ амаскивар мучусина, пэктырурдивэр гиркилвэр савканденэл.

— Итыгакаллу кусиндулэ. — гунэн Дубровский, чангичил качуталлэ, тадук нян симургара.

Амакан долдыра дагамадярил солдатыл янггудяри-ватын, пэктырэвуртын гилбэнэллэ мол сигдэлэдулитын (делгэдулитын), нямади туннгадяр илэл солдатыл агигит лупурора, экэтчэнэл (тэпкөденэл) куретки туксасина. Дубровский пушкат пэктырэнэн. Пэктырун ая бичэн: умукэнду дылан этыттэн, дюр гэвуннигивчэл бичэтын. Солдатыл миярэ, эми-вал солдатыл ипкэчимнитын — офицер дюлэски туксасинан, амардун солдатыл туксасина, хэргиски эврэ. Чангичил нунгарватын пэктырэвурдуквэр пэктырэнэ, тадук сукэтэйл куревар элбэчиллэ. Сот тыкулчал бинэл, солдатыл куретки хата туксадячатын гэвуннигивчэлвэ гиркилвэр амардувар эмэнденэл.

Нгалэлди тэпулдын оран. Солдатыл курела эмэчэл бичэтын. Чангичил давлалла. Дубровский солдатыл ипкэчимнитын туксанчаран, хикэндулин нунганман пэктырэнэн. Ипкэчимни мукуптыки бурурэн. Оки-вал солдатыл нунганман нгалэдулавэр угиррэ, хэлинди агитки угасина. Хадытын, ипкэчимниэ ачир оми, илла. Солдатыл миячалатын, чангичил нунгарватын давдылла, курела камнира. Солдатыл туксасина, чангичил экэтчэнэл нунгарватын асасина. Чангичил давдычатын, Дубровский булэнми сот миячаван ичэми, олгаран мэннгилви ипкэрэн, тыгичимнилэ кэтэе иливдатын, гэвуннигивчэлвэ тавдатын, мэнин куреду тынгнавран.

Дубровский утумэмэт чангитчариван амаргул улгурил, тэгэмэр нунгивунмэн сот хивингичатын. Нунгангиван

бикитвэн сачатын. Солдатыл ротаватын унгчэтын, дявадатын нунганман бучэвэ-вэл, индериэ-вэл. Адыва-вал илэ-вэ нунгангилдукин илэнгилдукин дявачатын, нунгардуктын тылчэтын Дубровский нунгарнунтын ачин бисивэн. Ады-вал тырганил илтэнчэлэтын, нунган упката гиркилви тавчан, тадук нунгартыкитын гучэн нунгарватын эмэндери-ви, гучэн нунгартыкитын бинивэр хунгтунгдэтын.

— Су баянчал бисис, би хэгдыгусун биденмэв, илэтыкин сундук авадыла-вал городтула, губернияла ягэнэденгэ, тала упкатван биниви мэннгитви хаватви аят бидедегенгэ. Эми-вал су упкат улэкил бисис, этэрэс эмэнэ эсиптывэ бинивэр.

Этэчэлэви гундеми, нунган нунгарватын эмэнчэн. Уму-кэнимэ элэ мэннунми гакса, суручэн. Нги-дэ эчэн сарэ илэ нунган орка. Нонон энгкитын тэдедерэ чангичил улгучэн-нэвэтын гуннэл, мэннгивэр хэгдыгувэр сумэтчэрэ. Надит-чангкитын, гуннэл — нунганман элбэтчэрэ, эдэн дявавра. Тадук амаргут тэдечэтын, — неливсипчул бадарал, тагдыр чэрургэчэтын — хоктолду ая очан. Хунгтулдук улгурилдук амаргут тылчэтын, Дубровский хунгтулдулэ дуннэлдулэ дуннэнгми чагидаткин сурунэвэн.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин родился в 1799 году. Он жил и писал более чем сто лет тому назад. Но его произведения, его слава живы и до сих пор.

Нет такого уголка в нашей необъятной стране, где бы не знали и не любили Пушкина. Его произведения читают и перечитывают по многу раз, его стихи заучивают наизусть.

Ожидая на далекой льдине помощи с родины, герои челюскинцы читали Пушкина. Во мраке полярной ночи он заменял им недостающее солнце. Вдохновенные слова пушкинских стихов укрепляли в людях надежду, веру в себя, в свои силы, в свою родину.

Ленин очень любил Пушкина и во время своей ссылки, в Сибири, наслаждался его стихами.

Произведения Пушкина дороги трудящимся нашей родины потому, что они полны жизнерадостности, бодрости, мужества, любви к свободе, ненависти к эксплуататорам.

Пушкин был первым поэтом, который писал для народа.

Он жил в то тяжелое время, когда Россией правили царь и помещики, когда крестьяне страдали под гнетом крепостного права. Жестокие помещики грабили народ и распоряжались крепостными крестьянами, как своим имуществом (своей собственностью). Они продавали людей, меняли их на собак, проигрывали в карты.

Пушкин горячо любил народ и сочувствовал его страданиям. Он ненавидел крепостное право и верил в то, что народ будет свободен. В своих произведениях он выступал против самодержавия, против помещиков-дворян и с любовью воспевал народ, его горе и радости, его нравы и обычаи.

За это и возненавидели его царь и помещики. Всю жизнь травили они великого поэта.

Его ссылали в глухие места России, запирали на много лет в далекой деревеньке, запрещали печатать его замечательные произведения. В 1837 году, всего лишь тридцати восьми лет отроду, Пушкин трагически погиб от руки царского наемника. Русский народ с негодованием узнал об убийстве поэта. Десятки тысяч людей пришли к его дому, чтобы в последний раз увидеть любимого поэта и проститься с ним. Опасаясь народных волнений, царские слуги, крадучись, как воры, в глухую февральскую ночь увезли из столицы тело поэта и тайком похоронили его близ глухого села Михайловского в Псковской губернии.

Пушкин очень много сделал для русского народа. Он первый стал писать простым, понятным для него языком. Он создал тот русский язык, на котором сейчас говорят десятки миллионов трудящихся. Он научил русскую литературу быть правдивой. Он показал, как при помощи художественного слова нужно бороться за счастье народа.

Много замечательных произведений было написано Пушкиным. Среди них роман „Дубровский“ занимает видное место.

Героем этого произведения является молодой дворянин

Владимир Дубровский. Отца его разорил при помощи подкупа и обмана богатый сосед-помещик. Сын решил отомстить за отца. Вместе со своими крестьянами он напал на богатых помещиков, отнимал у них добро и отдавал бедным.

Писатели до Пушкина неверно изображали крестьян в своих произведениях. Пушкин первый показал большое сердце русского крестьянина, его человечность, его героизм и вместе с тем — его непримиримую ненависть к врагу.

Кузнец Архип, верный помощник Дубровского, поджигает усадьбу, обрекая на гибель продажных судебных чиновников. Но, когда Архип видит, что в огне погибает кошка, он, рискуя собственной жизнью, бросается в огонь и спасает ее.

Писатели до Пушкина возвеличивали дворян и помещиков в своих произведениях. Пушкин первый показал, что представляли собою дворяне-помещики на самом деле.

Богатый дворянин Троекуров разоряет своего бедного друга Дубровского, доводит его до сумасшествия и смерти, безнаказанно угнетает своих крестьян, издевается над бедными соседями. Он не знает жалости даже к родной дочери и заставляет ее выйти замуж за нелюбимого человека.

Такие произведения, как „Дубровский“, раскрывали глаза народу и призывали его к борьбе против угнетателей.

Великий русский поэт любил не только свой народ, ему были дороги интересы трудящихся всех национальностей. Пушкин предвидел, что его произведения будут известны всем трудящимся, что имя его будет любимым.

„Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и фин, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык“, —

пророчески писал о себе Пушкин в 1836 г. в знаменитом стихотворении „Памятник“.

Это время, о котором Пушкин мог только мечтать, сбылось.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец рабству, нищете и вымиранию народов бывшей царской России, сплотила многонациональное население советской страны в единую дружную семью.

Предсказание Пушкина сбылось. Его, великого сына русского народа, почитают и любят все народы Советского Союза: и русские, и украинцы, и узбеки, и якуты, и эвенки, и ханты, и нанайцы.

Став свободными и полноправными членами великого Советского Союза, они получили возможность читать произведения гениального поэта на своем родном языке.

В феврале 1937 г. свободные и счастливые народы нашей великой социалистической родины отметили 100-летнюю годовщину со дня смерти Пушкина торжественными собраниями, митингами, чтениями, спектаклями. Его именем названы многие клубы, читальни, библиотеки, улицы городов и города. Произведения поэта изданы в миллионах экземпляров.

Примечание редакции. Помещаемый ниже русский текст печатается (в сокращенном виде) по изданию Ленгослитиздата 1937 г. („Дубровский“, Ленгослитиздат, 1937 г., и. 60 коп.). Русский текст.

А. С. ПУШКИН

ДУБРОВСКИЙ

ГЛАВА I

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русской барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирила Пе-

трович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную силу физических способностей, он два два в неделю страдал от обжорства и каждый вечер бывал навеселе.

С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно.

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами. Троекуров, надменный в сношениях с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера. Дубровский, с расстроенным состоянием, принужден был выйти в отставку и поселиться в остальной своей деревне. Кирила Петрович, узнав о том, предлагал ему свое покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф, приехал в свое поместье; они свиделись и обрадовались друг другу. С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, от роду не удостоивавший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища. Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные

одинаково, они сходились отчасти и в характерах и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих оставалось по ребенку. Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирилы Петровича росла в глазах родителя, и Троекуров часто говаривал Дубровскому: „Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол“. Андрей Гаврилович качал головою и отвечал обыкновенно: „Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловны. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки“.

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом, и удивлялись смелости сего последнего, когда он за столом у Кирилы Петровича прямо высказывал свое мнение, не заботясь о том, противуречило ли оно мнениям хозяина. Некоторые пытались было ему подражать и выйти из пределов должного повиновения, но Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таковым покушениям, и Дубровский один остался вне общего закона. Нечаянный случай всё расстроил и переменял.

Раз, в начале осени, Кирила Петрович собирался в отъезжее поле. Накануне был отдан приказ псарям и стремянным быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперед на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирилы Петровича на своем собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак, под присмотром штаблекаря Тимошки, и отделение, где благо-

родные суки ощенялись и кормили своих щенят. Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз. Он расхаживал по псарне, окруженный своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями; останавливался пред некоторыми конурами, то расспрашивая о здоровье больных, то делая замечания более или менее строгие и справедливые, то подзывая к себе знакомых собак и ласково с ними разговаривая. Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирилы Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился. Он был горячий охотник. Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзую. Он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения.

— Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кирила Петрович, — или псарня моя тебе не нравится?

— Нет, — отвечал он сурово, — псарня чудная, — вряд людям вашим житье такое ж, как вашим собакам.

Один из псарей обиделся.

— Мы на свое житье, — сказал он, — благодаря бога и барина, не жалуемся; а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку — ему было б и сытнее и теплее.

Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа, а гости вослед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова.

Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и тогда только, не видя Дубровского, хватился о нем. Люди отвечали, что Андрей Гаврилович

уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. От роду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, воротился, как еще сидели за столом, и доложил своему господину, что дескать Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разгоряченный наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорится. Слуга снова поскакал. Кирила Петрович, встав из-за стола, отпустил гостей и отправился спать.

На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух — и услышал следующее:

Государь мой премилостивый,

Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне псаря Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопов не намерен, да и от Вас их не стерплю — потому что я не шут, а старинный дворянин. — За сим остаюсь покорным ко услугам Андрей Дубровский.

— Как, — загремел Троекуров, вскочив с постели босой, — высылать к нему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! — да что он в самом деле задумал; да знает ли он, с кем связывается, — вот я ж его... Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова! —

Кирила Петрович оделся и выехал на охоту, с обыкновенной своею пышностью. Но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца и того протравили. Обед в поле под палаткою также не удался, или по крайней мере был не по вкусу Кирилы Петровича, который прибил повара, разбранил гостей и на возвратном пути со всею своей охотою нарочно поехал полями Дубровского.

Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседями не унималась.

Дубровский объезжал однажды малое свое владение; приближаясь к березовой роще, услышал он удары топора и через минуту треск повалившегося дерева. Он поспешил в рощу и наехал на Покровских мужиков, спокойно ворующих у него лес. Увидя его, они бросились было бежать. Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привел их связанных к себе на двор. Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю. Дубровский был отменно сердит, прежде сего никогда люди Троекурова, известные разбойники, не осмеливались шалить в пределах его владений, зная приятельскую связь его с их господином. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом, и решил, вопреки всем понятиям о праве войны, проучить своих пленников прутьями, коими запаслись они в его же роще, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

Слух о сем происшествии в тот же день дошел до Кирилы Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистеневку (так называлась деревня его соседа), разорить ее до-тла и осадить самого помещика в его усадьбе — таковые подвиги были ему не в диковину. Но мысли его вскоре приняли другое направление.

Расхаживая тяжелыми шагами взад и вперед по зале, он взглянул нечаянно в окно и увидел у ворот остановившуюся тройку; маленький человек в кожаном картузе и фризовой шинеле вышел из телеги и пошел во флигель к приказчику; Троекуров узнал заседателя Шабашкина и велел его позвать. Через минуту Шабашкин уже стоял перед Кирилой Петровичем, отвешивая поклон за поклоном и с благоговением ожидая его приказаний.

— Здорово, как бишь тебя зовут, — сказал ему Троекуров, — зачем пожаловал?

— Я ехал в город, ваше превосходительство, — отвечал Шабашкин, — и зашел к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказания от вашего превосходительства.

— Очень кстати заехал, как бишь тебя зовут; мне до тебя нужда, выпей водки, да выслушай.

Таковой ласковый прием приятно изумил заседателя. — Он отказался от водки и стал слушать Кирилу Петровича со всевозможным вниманием.

— У меня сосед есть, — сказал Троекуров, — мелкопоместный грубиян; я хочу взять у него имение — как ты про то думаешь?

— Ваше превосходительство, коли есть какие-нибудь документы, или...

— Врешь, братец, какие тебе документы. На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение. Постой однако ж. Это имение принадлежало некогда нам, было куплено у какого-то Спицына и продано потом отцу Дубровского. Нельзя ли к этому придраться?

— Мудрено, ваше превосходительство; вероятно, сия продажа совершена законным порядком.

— Подумай, братец, поищи хорошенько.

— Если бы, например, ваше превосходительство

могли каким ни есть образом достать от вашего соседа запись, в силу которой владеет он своим имением, то конечно...

— Понимаю, да вот беда — у него все бумаги сгорели во время пожара.

— Как, ваше превосходительство, бумаги его сгорели! Чего ж вам лучше — в таком случае извольте действовать по законам, и без всякого сомнения получите ваше совершенное удовольствие.

— Ты думаешь? Ну, смотри же. Я полагаюсь на твоё усердие, а в благодарности моей можешь быть уверен.

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дни стал хлопотать по замышленному делу и, благодаря его проворству, ровно через две недели, Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчет его владения сельцом Кистеневкою.

Андрей Гаврилович, рассмотрев хладнокровно запросы заседателя, увидел необходимость отвечать обстоятельнее. Он написал довольно дельную бумагу, но впоследствии времени оказавшуюся недостаточной.

Дело стало тянуться. Уверенный в своей правоте Андрей Гаврилович мало о нем беспокоился. С своей стороны Троекуров столь же мало заботился о выигрыше им затеянного дела — Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, страшая и подкупая судей и толкуя вкрив и впрям всевозможные указы. Как бы то ни было, 18... года, февраля 9 дня, Дубровский получил через городовую полицию приглашение явиться к ** земскому судье для выслушания решения одного по делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генерал-аншефом Троекуровым, и для подписки своего удовольствия или неудоволь-

ствия. В тот же день Дубровский отправился в город; на дороге обогнал его Троекуров. Они гордо взглянули друг на друга, и Дубровский заметил злобную улыбку на лице своего противника.

ГЛАВА II

Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него и на другой день утром явился в присутствие уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним приехал и Кирила Петрович, писаря встали и заложили перья за ухо, члены встретили его с изъявлениями глубокого подобострастия, придвинули ему кресло из уважения к его чину, летам и дородности; он сел при открытых дверях, — Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке — настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда.

— ...суд полагает: означенное имение, ** душ, с землею и угодьями, в каком ныне положении тое окажется, утвердить по представленной на оное купчей за генерал-аншефа Троекурова; о удалении от распоряжения оным гвардии поручика Дубровского и о надлежащем вводе во владение за него, г. Троекурова, и об отказе за него, как дошедшего ему по наследству, предписать ** земскому суду. Каковое решение подписали все присутствующие того суда —

Секретарь умолкнул, заседатель встал и с низким поклоном обратился к Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующий Троекуров, взяв от него перо, подписал под решением суда совершенное свое удовольствие.

Очередь была за Дубровским. Секретарь поднес ему бумагу. Но Дубровский стал неподвижен, потупя голову.

Секретарь повторил ему свое приглашение подписать свое полное и совершенное удовольствие или явное не-удовольствие, если паче чаяния чувствует по совести, что дело его есть правос, и намерен в положенное законами время просить по апелляции куда следует. Дубровский молчал... Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал, схватив чернильницу, пустил ею в заседателя. Все пришли в ужас.

Сторожа сбежались на шум и насилию им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество. Судии, надеявшиеся на его благодарность, не удостоились получить от него ни единого приветливого слова. Он в тот же день отправился в Покровское. Дубровский между тем лежал в постеле; уездный лекарь, по счастью не совершенный невежда, успел пустить ему кровь, приставить пиявки и шпанские мухи — к вечеру ему стало легче, больной пришел в память. На другой день повезли его в Кистеневку, почти уже ему не принадлежащую.

ГЛАВА III

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского всё еще было плохо. Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Андрей Гаврилович был не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряжениях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всем молодого Дубровского, служившего в одном из гвардии пехотных полков и находящегося в то время в Петербурге. Она продикто-

вала повару Харитону, единственному кистеневскому грамотею, письмо, которое в тот же день и отослала в город на почту.

Владимир Дубровский несколько раз сряду прочитал сии довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце. Тот же день стал он хлопотать об отпуске и через два дня пустился в дорогу на перекладных с верным своим Гришею.

Владимир Андреевич приближался к той станции, с которой должен он был своротить на Кистеневку. Приехав на станцию, он вошел к смотрителю и спросил вольных лошадей. Смотритель осведомился, куда надобно было ему ехать и объявил, что лошади, присланные из Кистеневки, ожидали его уже четвертые сутки. Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне и смотревший за его маленькой лошадкою. Антон прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказал ему, что старый его барин еще жив, и побежал запрягать лошадей. Владимир Андреевич отказался от предлагаемого завтрака и спешил отправиться. Антон повез его проселочными дорогами — и между ими завязался разговор.

— Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего с Троекуровым?

— А бог их ведает, батюшка Владимир Андреевич... барин, слышь, не поладил с Кирилой Петровичем, а тот и подал в суд — хотя по часту он сам себе судия. Не наше холопые дело разбирать барские воли, а ей-богу, напрасно батюшка ваш пошел на Кирилу Петровича; плетью обуха не перешибешь.

— Так видно этот Кирила Петрович у вас делает что хочет?

— И вестимо, барин — заседателя, слышь, он и в грош не ставит, исправник у него на посылках, господа съезжаются к нему на поклон.

— Правда ли, что отымают он у нас имение?

— Ох, барин, слышали так и мы — на днях покровский пономарь сказал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять; вот ужо приберет вас к рукам Кирила Петрович.

— Стало быть, вы не желаете перейти во владение Троекурову?

— Во владение Кириле Петровичу! Господь упаси и избави — у него там и своим плохо приходится, а достанутся чужие, так он с них не только шкурку, да и мясо-то отдерет. — Нет, дай бог долго здравствовать Андрею Гавриловичу, а коли уж бог его приберет, так не надо нам никого, кроме тебя, наш кормилец. Не выдавай ты нас, а мы уж за тебя станем.

При сих словах Антон размахнул кнутом, потрянул возжами, и лошади его побежали крупной рысью.

Тронутый преданностию старого кучера, Дубровский замолчал — и предался своим размышлениям. Прошло более часа — вдруг Гриша пробудил его восклицанием: Вот Покровское! Дубровский поднял голову. Он узнал сии места — он вспомнил, что на сем самом холму играл он с маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже обещала быть красавицей. Выехав из деревни, поднялись они на гору, и Владимир увидел березовую рощу, и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нем забилось. Перед собою видел он Кистеневку и бедный дом своего отца.

Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неопианным. Двенадцать лет не видал он своей родины. Дворня высыпала из людских изб, окружила молодого барина с шумными изъявлениями радости. Насилу мог он продаться сквозь их усердную толпу и взбежал на ветхое крыльцо. В сенях встретила его Егоровна и с плачем обняла своего воспитанника.

— Здорово, здорово, няня, — повторял он, прижимая к сердцу добрую старуху, — что батюшка, где он? каков он?

В эту минуту в залу вошел, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке.

— Здравствуй, Володька! — сказал он слабым голосом, и Владимир с жаром обнял отца своего.

Радость произвела в больном слишком сильное потрясение, он ослабел, ноги под ним подкосились, и он бы упал, если бы сын не поддержал его.

Старика отнесли в спальню. Владимир поражен был его состоянием. Он расположился в его спальне — и просил оставить его наедине с отцом.

ГЛАВА IV

Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже. Владимир предвидел его скорое разрушение и не отходил от старика, впадшего в совершенное детство.

Между тем положенный срок прошел, и апелляция не была подана. Кистеневка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклонами и поздравлениями и просьбою назначить, когда угодно будет его превосходительству вступить во владение новоприобретенным имением — самому

или кому изволит он дать на то доверенность. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости,—и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища к чему привязаться, чтоб его выгнать, но, не найдя достаточного к тому предлога, сказал ему сердито:

— Пошел вон, не до тебя.

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперед, насвистывая, что всегда означало в нем необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки, пустился рысью к усадьбе своего соседа — и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальне у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на лице его — багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут за хозяйственными книгами, поднял голову и поражен был его состоянием. Больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подобрал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся... и вдруг упал... Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания — паралич его ударил.

— Скорей, скорей в город за лекарем! — кричал Владимир.

— Кирила Петрович спрашивает вас, — сказал вошедший слуга.

Владимир бросил на него ужасный взгляд.

— Скажи Кириле Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора — пошел.

Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина. Кирила Петрович выслушал его, сидя на дрожках; лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом около двора. Он взглянул и в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уж его не было. Няня стояла на крыльце, забыв о приказании барина. Дворня с шумом толковала о сем происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал: — Не надобно лекаря, батюшка скончался.

ГЛАВА V

Похороны совершились на третий день.

Церковь полна была кистеневскими крестьянами, пришедшими отдать последнее поклонение господину своему. Молодой Дубровский стал у клироса; он не плакал и не молился — но лицо его было страшно. Печальный обряд кончился. Владимир первый пошел прощаться с телом — за ним и все дворовые; принесли крышку и заколотили гроб. Бабы громко выли; мужики нередко утирали слезы кулаком. Владимир и те же трое слуг понесли его на кладбище, в сопровождении всей деревни. Гроб опустили в могилу — все присутствующие бросили в нее по горсти песку — яму засыпали, поклонились ей, и разошлись. Владимир поспешно удалился, всех опередил и скрылся в Кистеневскую рощу.

Владимир углублялся в чащу дерев, движением и усталостию стараясь заглушать душевную скорбь. Он шел, не разбирая дороги; сучья поминутно задевали и царапали его; ноги его поминутно вязли в болоте — он ничего не замечал. Сильно чувствовал он свое одиночество. Будущее

для него являлось покрытым грозными тучами. Вражда с Троекуровым предвещала ему новые несчастья. Бедное его достояние могло отойти от него в чужие руки — в таком случае нищета ожидала его. Наконец заметил он, что начало смеркаться: он встал и пошел искать дороги домой, но еще долго блуждал по незнакомому лесу, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к воротам его дома.

Приближаясь увидел он множество народа — крестьяне и дворовые люди толпились на барском дворе. Издали слышал Владимир необыкновенный шум и говор. У сарая стояли две тройки. На крыльце несколько незнакомых людей в мундирных сертуках, казалось, о чем-то толковали.

— Что это значит? — спросил он сердито у Антона, который бежал ему навстречу. — Это кто такие, и что им надобно?

— Ах, батюшка Владимир Андреевич, — отвечал старик, задыхаясь. — Суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!..

Владимир потупил голову, люди его окружили несчастного своего господина.

— Отец ты наш — кричали они, целуя ему руки, — не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, осударь, с судом мы управимся, умрем, а не выдадим!.. — Владимир смотрел на них, и странные чувства волновали его.

— Стойте смирно, — сказал он им, — а я с приказными переговорю.

— Переговори, батюшка! — закричали ему из толпы, — да усовести окаянных.

Владимир подошел к чиновникам. Шабашкин, с картузом на голове, стоял подбочась и гордо взирал около

себя... Исправник, высокий и толстый мужчина лет пятидесяти с красным лицом и в усах, увидя приближающегося Дубровского, крикнул и произнес охриплым голосом:

— И так, я вам повторяю то, что уже сказал: по решению уездного суда отныне принадлежите вы Кириле Петровичу Троекурову.

— Владимир кипел от негодования.

— Позвольте узнать, что это значит? — спросил он с притворным хладнокровием у веселого исправника.

— А это то значит, — отвечал замысловатый чиновник, — что мы приехали вводить во владение сего Кирилу Петровича Троекурова и просить иных прочих убираться по-добру, по-здорову.

— Но вы могли бы, кажется, отнестися ко мне, прежде чем к моим крестьянам — и объявить помещику отрешение от власти..

— А ты кто такой? — сказал Шабашкин с дерзким взором, — бывший помещик Андрей Гаврилов сын Дубровский волею божиею помре, — мы вас не знаем, да и знать не хотим.

— Владимир Андреевич наш молодой барин, — сказал голос из толпы.

— Кто там смел рот разинуть? — сказал грозно исправник, — какой барин? какой Владимир Андреевич? барин ваш Кирила Петрович Троекуров — слышите ли, олухи.

— Как не так, — сказал тот же голос.

— Да это бунт! — закричал исправник. — Гей, староста, сюда!

Староста выступил вперед.

— Отыщи сей же час, кто смел со мною разговаривать, я его!

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил? Но все молчали; вскоре в задних рядах поднялся ропот,

стал усиливаться и в одну минуту превратился в ужаснейшие вопли. Исправник понизил голос и хотел было их уговаривать..

— Да что на него смотреть, — закричали дворовые, — ребята! долой их! — и толпа двинулась.

Шабашкин и другие члены поспешно бросились в сени — и заперли за собою дверь.

— Ребята, вперед! — закричал тот же голос, — и толпа стала напирать.

— Стойте, — крикнул Дубровский, — дураки! что вы это? вы губите и себя, и меня. Ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его — он нас не обидит — мы все его дети — а как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать.

Речь молодого Дубровского, его звучный голос и величественный вид произвели желанное действие. Народ утих, разошелся — двор опустел, члены сидели в доме. Наконец Шабашкин тихонько отпер двери, вышел на крыльцо и с униженными поклонами стал благодарить Дубровского за его милостивое заступление.

Владимир слушал его с презрением и ничего не отвечал.

— Мы решили, — продолжал заседатель, — с вашего дозволения остаться здесь ночевать; а то уж темно и ваши мужики могут напасть на нас на дороге. Сделайте такую милость: прикажите постлать нам хоть сена в гостиной; чем свет, мы отправимся во-свояси.

— Делайте, что хотите, — отвечал им сухо Дубровский, — я здесь уже не хозяин.

С этим словом он удалился в комнату отца своего и запер за собою дверь.

ГЛАВА VI

„Итак, всё кончено, — сказал он сам себе; — еще утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился, где умер мой отец, виновнику его смерти и моей нищеты“. Владимир стиснул зубы — страшные мысли рождались в уме его. Голоса подъячих доходили до него; они хозяйничали, требовали то того, то другого, и неприятно развлекали его среди печальных его размышлений. Наконец всё утихло.

Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного.

Стенные часы пробили одиннадцать. Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета. В зале приказные спали на полу. Владимир с отвращением прошел мимо их в переднюю. Двери были заперты. Не найдя ключа, Владимир возвратился в залу — ключ лежал на столе. Владимир отворил дверь и наткнулся на человека, прижавшегося в угол — топор блестел у него. И обратясь к нему со свечью, Владимир узнал Архипа-кузнеца.

— Что ты здесь притаился? — спросил он кузнеца.

— Я хотел... я пришел... было проведать, все ли дома, — тихо отвечал Архип, запинаясь.

— А зачем с тобою топор?

— Топор-то зачем? — Да как же без топора нечече и ходить. Эти приказные такие, вишь, озорники — того и гляди...

— Ты пьян, брось топор, поди выпись.

— Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, бог свидетель, ни единой капли во рту не было... да и пойдет ли вино на ум, слыхано ли дело — подъячие задумали нами

владеть, подъячие гонят наших господ с барского двора... Эх они храпят, окаянные — всех бы разом, так и концы в воду.

Дубровский нахмурился.

— Послушай, Архип, — сказал он, немного помолчав, — не дело ты затеял. Не приказные виноваты. Засвети-ка фонарь ты, ступай за мною.

Архип взял свечку из рук барина, отыскал за печкою фонарь, засветил его, и оба тихо сошли с крыльца и пошли около двора.

Дубровский пошел далее. Два человека приблизились к нему; они его окликали; Дубровский узнал голос Антона и Гриши.

— Зачем вы не спите? — спросил он их.

— До сна ли нам, — отвечал Антон, — до чего мы дожили, кто бы подумал...

— Тише! — перервал Дубровский, — где Егоровна?

— В барском доме, в своей светелке, — отвечал Гриша.

— Поди, приведи ее сюда, да выведи из дому всех наших людей, чтоб ни одной души в нем не оставалось — кроме приказных — а ты, Антон, запряги телегу.

Гриша ушел и через минуту явился с своею матерью.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский, — не осталось ли никого в доме?

— Никого, кроме подъячих, — отвечал Гриша.

— Давайте сюда сена или соломы, — сказал Дубровский.

Люди побежали в конюшню и возвратились, неся в охапках сено.

— Подложите под крыльцо. Вот так. Ну, ребята, огню!

Архип открыл фонарь — Дубровский зажег лучину.

— Постой, — сказал он Архипу, — кажется, второпях я запер двери в переднюю, поди скорей отопри их.

Архип побежал в сени — двери были отперты. Архип запер их на ключ, примолвя вполголоса: как не так, отопри! и возвратился к Дубровскому.

Дубровский приблизил лучину, сено вспыхнуло, пламя взвилось — и осветило весь двор.

— Ахти, — жалобно закричала Егоровна, — Владимир Андреевич, что ты делаешь!

— Молчи, — сказал Дубровский. — Ну, дети, прощайте, иду, куда бог поведет; будьте счастливы с новым вашим господином.

— Отец наш, кормилец, — отвечали люди, — умрем не оставим тебя, идем с тобою.

Лошади были поданы. Дубровский сел с Гришею в телегу и назначил местом свидания Кистеневскую рощу. Антон ударил по лошадям, и они выехали со двора.

Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стекла трещали, сыпались, пылающие бревны стали падать, раздался жалобный вопль и крики: „горим! помогите! помогите!“

— Как не так, — сказал Архип, с злобной улыбкой взвизгивая на пожар.

— Архипушка, — говорила ему Егоровна, — спаси их окаянных, бог тебя наградит.

— Как не так, — отвечал кузнец.

В сию минуту приказные показались в окна, стараясь выломать двойные рамы. Но тут кровля с треском рухнула, и вопли утихли.

Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы с криком спешили спасти свою рухлядь, ребятишки прыгали, любуясь на пожар. Искры полетели огненной метелью, избы загорелись.

— Теперь всё ладно, — сказал Архип, — каково горит, — а? Чай из Покровского славно смотреть.

В сию минуту новое явление привлекло его внимание; кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть — со всех сторон окружало ее пламя. Бедное животное жалким мяуканьем призывало на помощь — мальчишки помирали со смеху, смотря на ее отчаяние.

— Чему смеетесь, бесенята? — сказал им сердито кузнец, — бога вы не боитесь: божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь — и, поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец с своей добычей полез вниз.

— Ну, ребята, прощайте, — сказал он смущенной дворне, — мне здесь делать нечего. Счастливо, не поминайте меня лихом.

Кузнец ушел, пожар свирепствовал еще несколько времени. Наконец унялся, и груды углей без пламени ярко горели в темноте ночи; около них бродили погорелые жители Кистеневки.

ГЛАВА VII

На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околодку. Все толковали о нем с различными догадками и предположениями. Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяны на похоронах, зажгли дом из неосторожности; другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселии; многие уверяли, что он сам сгорел с земским судом и со всеми дворовыми; некоторые догадывались об истине и утверждали, что виновником сего ужасного бедствия был сам Дубровский, движимый злобой и отчаянием. Трое-

куров приезжал на другой же день на место пожара и сам производил следствие. Оказалось, что исправник, заседатель земского суда, стряпчий и писарь, так же как Владимир Дубровский, няня Егоровна, дворовый человек Григорий, кучер Антон и кузнец Архип пропали неизвестно куда. Все дворовые показали, что приказные сгорели в то время, как повалилась кровля; обгорелые кости их были отрыты. Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дубровского и Архипа-кузнеца видели они за несколько минут перед пожаром. Кузнец Архип, по всеобщему показанию, был жив и вероятно главный, если не единственный виновник пожара. На Дубровском лежали сильные подозрения. Кирила Петрович послал губернатору подробное описание всему происшествию, и новое дело завязалось.

Вскоре другие вести дали другую пищу любопытству и толкам. В ** появились разбойники и распространили ужас по всем окрестностям. Грабительства, одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, разъезжали днем по всей губернии — останавливали путешественников и почту, приезжали в селы, грабили помещичьи дома и предавали их огню. Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием. Рассказывали о нем чудеса: имя Дубровского было во всех устах, все были уверены, что он, а никто другой, предводительствовал отважными злодеями. Удивлялись одному — поместья Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не остановили ни одного воза. С обыкновенной своей надменностью Троекуров приписывал сие исключение страху, который умел он внушить всей губернии, также и отменно хорошей полиции, им заведенной в его деревнях.

ГЛАВА VIII

Кирила Петрович выписал из Москвы для своего маленького Саши француза-учителя, который и прибыл в Покровское во время происшествий, нами теперь описываемых.

Сей учитель понравился Кириле Петровичу своей приятной наружностью и простым обращением. Семнадцатилетняя дочь Кирилы Петровича, Маша, не обратила никакого внимания на молодого француза, воспитанная в аристократических предрассудках. Учитель был для нее род слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною. Она не заметила и впечатления, ею произведенного на м-г Дефоржа, ни его смущения, ни его трепета, ни изменившегося голоса. Несколько дней сряду потом она встречала его довольно часто, не удостоивая большей внимательности. Неожиданным образом получила она о нем совершенно новое понятие.

На дворе у Кирилы Петровича воспитывались обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из главных забав покровского помещика. В первой своей молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостиную, где Кирила Петрович по целым часам возился с ними, ставивая их с кошками и щенятами. Возмужав, они бывали посажены на цепь, в ожидании настоящей травли. Изредка их выводили пред окна барского дома и подкатывали им порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медведь обнюхивал ее, потом тихонько до нее дотрогивался, колот себе лапы, осердясь толкал ее сильнее, и сильнее становилась боль. Он входил в совершенное бешенство, с ревом бросался на бочку, покамест не отымали у бедного зверя предмета тщетной его ярости. Случалось, что в телегу

впрягали пару медведей, волею и неволею сажали в нее гостей и пускали их скакать на волю божию. Но лучшею штукою почиталась у Кирилы Петровича следующая.

Прогладавшегося медведя запрут, бывало, в пустой комнате, привязав его веревкою за кольцо, ввинченное в стену. Веревка была длиною почти во всю комнату, так что один только противоположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынноиком. Бедный гость, с оборванной полою, и до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принужден был иногда целых три часа стоять, прижавшись к стене, и видеть, как разъяренный зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина! Несколько дней спустя после приезда учителя, Троекуров вспомнил о нем и вознамерился угостить его в медвежьей комнате: для сего, призвав его однажды утром, повел он его с собою темными коридорами; вдруг боковая дверь отворилась — двое слуг вталкивают в нее француза и запирают ее на ключ. Опомившись, учитель увидел привязанного медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние лапы, пошел на него... Француз не смутился, не побежал и ждал нападения. Медведь приближался. Дефорж вынул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь повалился. Все сбежались — двери отворились — Кирила Петрович вошел, изумленный развязкою своей шутки.

Кирила Петрович хотел непременно объяснения всему

делу — кто предупредил Дефоржа о шутке, для него предупреденной, или зачем у него в кармане был заряженный пистолет. Он послал за Машей, Маша прибежала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слышал о медведе, — отвечал Дефорж, — но я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званью, не могу требовать удовлетворения.

Маша смотрела на него с изумлением, и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петрович ничего не отвечал, велел вытащить медведя и снять с него шкуру; потом, обратясь к своим людям, сказал: — „Каков молодец! не струсил, ей-богу, не струсил“. С той минуты он Дефоржа полюбил и не думал уж его пробовать.

Но случай сей произвел еще большее впечатление на Марию Кириловну. Воображение ее было поражено: она видела мертвого медведя и Дефоржа, спокойно стоящего над ним и спокойно с нею разговаривающего. Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежат одному сословию — и с тех пор стала оказывать молодому учителю уважение, которое час от часу становилось внимательнее. Между ими основались некоторые сношения. Маша имела прекрасный голос и большие музыкальные способности, Дефорж вывзвался давать ей уроки. После того читателю уже нетрудно догадаться, что Маша в него влюбилась, сама еще в том себе не признаваясь.

ГЛАВА IX

Накануне праздника гости начали съезжаться, иные останавливались в господском доме и во флигелях, другие у приказчиков, третьи у священника, четвертые у зажи-

точных крестьян — конюшни полны были дорожных лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. В зале накрывали стол на восемьдесят приборов. Слуги суетились, расставляли бутылки и графины и прилаживали скатерти. Наконец дворецкий провозгласил: „кушание поставлено“ — и Кирила Петрович первый пошел садиться за стол, за ним двинулись дамы и важно заняли свои места, наблюдая некоторое старшинство, барышни стеснились между собою, как робкое стадо козочек, и выбрали себе места одна подле другой. Против них поместились мужчины. На конце стола сел учитель подле маленького Саши.

Двери отворились, и Антон Пафнутьич Спицын, толстый мужчина, лет пятидесяти, с круглым и рябым лицом, украшенным тройным подбородком, ввалился в столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться.

— Прибор сюда, — закричал Кирила Петрович, — милости просим, Антон Пафнутьич, садись да скажи нам, что это значит: не был у моей обедни и к обеду опоздал. Это на тебя не похоже, ты и богомолен, и покушать любишь.

— Виноват, — отвечал Антон Пафнутьич. — Ехать ближним путем через Кистеневский лес я не осмелился, а пустился в объезд...

— Эге! — прервал Кирила [Петрович, — да ты, знать, не из храброго десятка; чего ты боишься?

— Как чего боюсь, батюшка Кирила Петрович? а Дубровского-то — того и гляди попадешься ему в лапы; он малый не промах, никому не спустит, а с меня, пожалуй, и две шкуры сдерет.

— За что же, братец, такое отличие?

— Как за что, батюшка Кирила Петрович? а за тяжбу-то

покойника Андрея Гавриловича. Не я ли в удовольствие ваше, т. е. по совести и по справедливости, показал, что Дубровские владеют Кистеневкою безо всякого на то права, а единственно по снисхождению вашему.

Кирила Петрович оставил его и обратился к новому исправнику, в первый раз к нему в гости приехавшему, и сидящему на другом конце стола, подле учителя.

— А что, поймаете хоть вы Дубровского, господин исправник?

Исправник струсил, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнес наконец:

— Постараемся, ваше превосходительство.— У меня в кармане и приметы Владимира Дубровского.

— А! — сказал Кирила Петрович, — кстати: прочтите-ка, а мы послушаем, не худо нам знать его приметы, авось в глаза попадется, так не вывернется.

Исправник вынул из кармана довольно замаранный лист бумаги, развернул его с важностью и стал читать на-распев:

„Приметы Владимира Дубровского, составленные по сказкам бывших его дворовых людей.

От роду 22 года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых не оказалось“.

— И только, — сказал Кирила Петрович.

— Только, — отвечал исправник, складывая бумагу.

— Поздравляю, г-н исправник. Ай да бумага! По этим приметам немудрено будет вам отыскать Дубровского. Да кто же не среднего роста, у кого не русые волосы, не прямой нос, да не карие глаза! Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с самим Дубровским, а не дога-

даешься, с кем бог тебя свел. Нечего сказать, умные головушки приказные!

Исправник смиренно положил в карман свою бумагу и молча принялся за гуся с капустой; между тем слуги успели уже несколько раз обойти гостей, наливая каждому его рюмку.

— Нет, — продолжал Кирила Петрович.

— Делать нечего, видно, мне вступить в это дело, да пойти на разбойников с моими домашними. На первый случай отряжу человек двадцать, так они и очистят воровскую рошу; народ не трусливый, каждый в одиночку на медведя ходит — от разбойников не попятятся.

— Здоров ли ваш медведь, батюшка Кирила Петрович? — сказал Антон Пафнютыч, вспомня при сих словах о своем косматом знакомце и о некоторых шутках, коих и он был когда-то жертвою.

— Миша приказал долго жить, — отвечал Кирила Петрович, — умер славною смертью, от руки неприятеля. Вон его победитель, — Кирила Петрович указывал на Дефоржа.

Кирила Петрович с великим удовольствием стал рассказывать подвиг своего француза, ибо имел счастливую способность тщеславиться всем, что только ни окружало его. Гости со вниманием слушали повесть о Мишиной смерти и с изумлением посматривали на Дефоржа, который, не подозревая, что разговор шел о его храбрости, спокойно сидел на своем месте и делал нравственные замечания резвому своему воспитаннику.

Обед, продолжавшийся около трех часов, кончился; хозяин положил салфетку на стол — все встали, и пошли в гостиную, где ожидал их кофей, карты и продолжение попойки, столь славно начатой в столовой.

ГЛАВА X

Скоро загремела музыка, двери в залу отворились, и бал завязался. Учитель между всеми отличался, он танцевал более всех, все барышни выбирали его. Несколько раз кружился он с Марьей Кирилловною, и барышни насмешливо за ними примечали. Наконец около полуночи усталый хозяин прекратил танцы, приказал давать ужин, а сам отправился спать.

Гости стали прощаться между собою, и каждый отправился в комнату, ему назначенную. А Антон Пафнутьич пошел с учителем во флигель. Ночь была темная. Дефорж освещал дорогу фонарем. Антон Пафнутьич шел за ним довольно бодро, прижимая изредка к груди потаенную суму, дабы удостовериться, что деньги его еще при нем.

Пришедши во флигель, учитель засветил свечу, и оба стали раздеваться. Постели их стояли одна против другой, оба легли, и учитель потушил свечу.

Француз вскоре захрапел.

„Храпит бестия француз, — подумал Антон Пафнутьич, — а мне так сон и в ум нейдет — того и гляди воры войдут в открытые двери или влезут в окно — а его, бестию, и пушками не добудишься“.

Усталость и винные пары мало-по-малу превозмогли его боязливость — он стал дремать, и вскоре глубокий сон овладел им совершенно.

Странное готовилось ему пробуждение. Он чувствовал, сквозь сон, что кто-то тихонько дергал его за ворот рубашки. Антон Пафнутьич открыл глаза — и при бледном свете осеннего утра увидел перед собою Дефоржа: фран-

цуз в одной руке держал карманный пистолет, а другою отстегивал заветную суму. Антон Пафнутьич обмер.

— Тише, молчать, — отвечал учитель чистым русским языком, — молчать или вы пропали. Я — Дубровский.

ГЛАВА XI

Теперь попросим у читателя позволения объяснить последние происшествия повести нашей. На станции**, в доме смотрителя, сидел в углу проезжий. Бричка его стояла на дворе, ожидая подмазки. Коляска остановилась у крыльца. Слуга соскочил с козел — отпер дверцы, и через минуту молодой человек в военной шинеле и в белой фуражке вошел к смотрителю — вслед за ним слуга внес шкатулку и поставил ее на окошко.

— Лошадей, — сказал офицер повелительным голосом.

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиков. Молодой человек стал расхаживать взад и вперед по комнате, зашел за перегородку и спросил тихо у смотрителя: кто такой проезжий.

— Бог его ведает, — отвечала смотрительша, — какой-то француз. Вот уж пять часов как дожидается лошадей да свищет. Надоед, проклятый.

Молодой человек заговорил с проезжим по-французски.

— Куда изволите вы ехать? — спросил он его.

— К г-ну Троскурову, — отвечал француз, — я слышал о нем мало доброго. Он предлагает мне хорошее жалование — 3000 р. в год и всё готовое. Быть может, я буду счастливее других. У меня старушка мать, половину жалования буду отсылать ей на пропитание, из остальных денег в пять лет могу скопить маленький капитал, доста-

точный для будущей моей независимости, — и тогда еду в Париж.

— Знает ли вас кто-нибудь в доме Троекурова? — спросил он.

— Никто, — отвечал учитель, — меня он выписал из Москвы через одного из своих приятелей. Офицер задумался.

— Послушайте, — прервал он, обращаясь к французу, — что если бы вместо этой будущности предложили вам 10 000 чистыми деньгами, с тем, чтоб сей же час отправились обратно в Париж. 10 000 могу я вам дать, мне нужно только ваше отсутствие и ваши бумаги.

Француз вытаращил глаза. Он не знал, что и думать.

— Мое отсутствие... мои бумаги, — повторял он с изумлением, — вот мои бумаги... но вы шутите: зачем вам мои бумаги?

— Вам дела нет до того. Спрашиваю, согласны вы или нет?

Француз, всё еще не веря своим ушам, протянул бумаги своему молодому офицеру, который быстро их пересмотрел.

— Ну вот же вам ваши деньги, отправляйтесь назад. Прощайте...

Француз стоял как вкопанный.

Офицер воротился.

— Я было забыл самое важное: дайте мне честное слово, что всё это останется между нами — честное ваше слово.

— Честное мое слово, — отвечал француз. — Но мои бумаги, что мне делать без них?

— В первом городе объявите, что вы были ограблены

Дубровским. Вам поверят и дадут нужные свидетельства. Прощайте, дай бог вам скорее доехать до Парижа и найти матушку в добром здравьи.

Дубровский вышел из комнаты, сел в коляску и поспешил.

Смотритель смотрел в окошко, и когда коляска уехала, обратился к жене с восклицанием:

— Пахомовна, знаешь ли ты что? ведь это был Дубровский.

Смотрительша опрометью кинулась в окошко, но было уже поздно — Дубровский был уж далеко.

Дубровский, овладев бумагами французского, смело явился, как мы уже видели, к Троекурову и поселился в его доме.

Прошло около месяца от его вступления в звание учительское до достопамятного празднества, и никто не подозревал, что в скромном молодом французском таился грозный разбойник, коего имя наводило ужас на всех окрестных владельцев.

Ночуя в одной комнате с человеком, коего мог он почесть личным своим врагом и одним из главных виновников его бедствия, — Дубровский не мог удержаться от искушения. Он знал о существовании сумки и решил ее завладеть. Мы видели, как изумил он бедного Антона Пафнутьича неожиданным своим превращением из учителя в разбойника.

В десять часов утра гости, ночевавшие в Покровском, собрались один за другим в гостиную, где кипел уже самовар, перед которым в утреннем платье сидела Марья Кириловна, — а Кирило Петрович в байковом сертуке и в туфлях выпивал свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Последним явился Антон Пафнутьич;

он был так бледен и казался так расстроен, что вид его всех поразил, и что Кирила Петрович осведомился о его здравии. Спицын отвечал безо всякого смысла и с ужасом поглядывал на учителя, который тут же сидел, как ни в чем не бывало. Через несколько минут слуга вошел и объявил Спицыну, что коляска его готова. Антон Пафнутьич спешил откланяться и несмотря на увещания хозяйина вышел поспешно из комнаты и тотчас уехал. Не понимали, что с ним сделалось, и Кирила Петрович решил, что он объелся. После чаю и прощального завтрака прочие гости начали разъезжаться, вскоре Покровское опустело, и всё вошло в обыкновенный порядок.

ГЛАВА XII

Прошло несколько дней, и не случилось ничего достопримечательного. Жизнь обитателей Покровского была однообразна. Кирила Петрович ежедневно выезжал на охоту; чтение, прогулки и музыкальные уроки занимали Марью Кириловну—особенно музыкальные уроки. Она скучала без Дефоржа, в его присутствии поминутно занималась им, обо всем хотела знать его мнение и всегда с ним соглашалась.

Однажды, пришед в залу, где ожидал ее учитель, Марья Кириловна с изумлением заметила смущение на бледном его лице. Она открыла фортепьяно, пропела несколько нот, но Дубровский под предлогом головной боли извинился, прервал урок и, закрывая ноты, подал ей украдкой записку. Марья Кириловна, не успев одуматься, приняла ее и раскаялась в ту же минуту, но Дубровского не было уже в зале. Марья Кириловна пошла в свою комнату, развернула записку и прочла следующее:

Будьте сегодня в семь часов в беседке у ручья. Мне необходимо с вами говорить.

Любопытство ее было сильно возбуждено. Она решилась идти на свидание, но колебалась в одном: каким образом примет она признание учителя—с аристократическим ли негодованием, с увещаниями ли дружбы, с веселыми шутками, или с безмолвным участием. Между тем она поминутно поглядывала на часы. Смерклось, подали свечи, Кирила Петрович сел играть в бостон с приезжими соседями; столовые часы пробили третью четверть седьмого—и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо—огляделась во все стороны и побежала в сад.

Ночь была темна, небо покрыто тучами—в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть, но Марья Кириловна шла в темноте по знакомым дорожкам и через минуту очутилась у беседки; тут остановилась она, дабы перевести дух и явиться перед Дефоржем с видом равнодушным и неторопливым. Но Дефорж стоял уже перед нею.

— Благодарю вас,—сказал он ей тихим и печальным голосом,—что вы не отказали мне в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если б вы на то не согласились.

— Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам объясниться...

Марья Кириловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию.

— Я не то, что вы предполагаете,—продолжал он, потупя голову,—я не француз Дефорж, я Дубровский.

Марья Кириловна вскрикнула.

— Не бойтесь, ради бога, вы не должны бояться моего имени. Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил куска хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить

на больших дорогах. Но вам не надобно меня бояться — ни за себя, ни за него. Всё кончено. Я ему простил. Послушайте, вы спасли его. Первый мой кровавый подвиг должен был свершиться над ним. Я ходил около его дома, назначая, где вспыхнуть пожару, откуда войти в его спальню, как пресечь ему все пути к бегству — в ту минуту вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце мое смирилось, — я понял, что дом, где обитаете вы, священ, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию. Я отказался от мщения, как от безумства. Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В ваших неосторожных прогулках я следовал за вами, прокрадываясь от куста к кусту, счастливый мыслию, что вас охраняю, что для вас нет опасности там, где я присутствую тайно. Наконец случай представился. Я поселился в вашем доме. Эти три недели были для меня днями счастья — их воспоминание будет отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получил известие, после которого мне невозможно долее здесь оставаться. Я расстаюсь с вами сегодня... сей же час... Но прежде я должен был вам открыться, чтоб вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровском. Знайте, что он рожден был для иного назначения, что душа его умела вас любить, что никогда...

Тут раздался легкий свист — и Дубровский умолк... Он схватил ее руку и прижал к пылающим устам. Свист повторился.

— Простите, — сказал Дубровский, — меня зовут, минута может погубить меня.

Он отошел.

Взволнованная свиданием с Дубровским Марья Кири-

ловна возвращалась из сада. Ей показалось, что все люди разбежались — дом был в движении, на дворе было много народа, у крыльца стояла тройка — издали услышала она голос Кирилы Петровича — и спешила войти в комнаты, опасаясь, чтоб отсутствие не было замечено. В зале встретила ее Кирила Петрович, гости окружили исправника, нашего знакомого, и осыпали его вопросами. Исправник в дорожном платье, вооруженный с ног до головы, отвечал им с видом таинственным и суетливым.

— Где ты была, Маша? — спросил Кирила Петрович, — не встретила ли ты м-г Дефоржа?

Маша насилу могла ответить отрицательно.

— Вообрази, — продолжал Кирила Петрович, — исправник приехал его схватить и уверяет меня, что это сам Дубровский.

— Все приметы, ваше превосходительство, — сказал почтительно исправник.

— Эх, братец, — прервал Кирила Петрович, — убирайся, знаешь куда, со своими приметам. Я тебе моего француза не выдам, покамест сам не разберу дела. Где же учитель? — спросил он у вошедшего слуги.

— Нигде не найдут-с, — отвечал слуга.

— Так сыскать его! — закричал Троекуров, начинающий сомневаться.

Кирила Петрович начинал беспокоиться, Марья Кириловна была ни жива, ни мертва.

— Ты бледна, Маша, — заметил ей отец, — тебя перепугали.

— Нет, папенька, — отвечала Маша, — у меня голова болит.

— Поди, Маша, в свою комнату и не беспокойся.

Между тем француза не находили. Кирила Петрович

ходил взад и вперед по зале, грозно насвистывая Гром победы раздавайся. Гости шептались между собою, исправник казался в дураках — француза не нашли. Вероятно, он успел скрыться, был предупрежден. Но кем и как? это оставалось тайною.

ГЛАВА XIII

Прошло несколько времени без всякого замечательного случая. Но в начале следующего лета произошло много перемен в семейном быту Кирилы Петровича.

В тридцати верстах от него находилось богатое поместье князя Верейского. Князь долгое время находился в чужих краях — всем имением его управлял отставной майор и никакого сношения не существовало между Покровским и Арбатовым. Но в конце мая месяца князь возвратился из-за границы и приехал в свою деревню, которой от роду еще не видал. Привыкнув к рассеянности, он не мог вынести уединения, и на третий день по своем приезде отправился обедать к Троекурову, с которым был некогда знаком.

Князю было около пятидесяти лет, но он казался гораздо старше. Излишества всякого рода изнурили его здоровье и положили на нем свою неизгладимую печать. Несмотря на то наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами. Кирила Петрович был чрезвычайно доволен его посещением, приняв оное знаком уважения от человека, знающего свет.

В зале встретила их Марья Кириловна, и старый волочита был поражен ее красотой. Троекуров посадил гостя

подле ее. Князь был оживлен ее присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь ее внимание любопытными своими рассказами. Несмотря на усиленные просьбы Кирилы Петровича остаться ночевать, гость уехал тотчас после чаю. Но прежде просил Кирилу Петровича приехать к нему в гости с Марьей Кириловной — и гордый Троекуров обещался, ибо, взяв в уважение княжеское достоинство, две звезды и 3000 душ родового имения, он до некоторой степени почитал князя Верейского себе равным.

Два дня спустя после сего посещения Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому. Хозяин встретил гостей у крыльца и подал руку молодой красавице; они вошли в великолепную залу, где стол был накрыт на три прибора. Князь подвел гостей к окну, и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами, по ней шли нагруженные барки под натянутыми парусами и мелькали рыбацьи лодки, столь выразительно прозванные душегубками. За рекою тянулись холмы и поля, несколько деревень оживляли окрестность.

После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Время прошло незаметно — начало смеркаться. Князь под предлогом свежести и росы спешил возвратиться домой — самовар их ожидал. Князь просил Марью Кириловну хозяйничать в доме старого холостяка.

ГЛАВА XIV

Марья Кириловна сидела в своей комнате, вышивая в пальцах, перед открытым окошком.

Вдруг в окошко тихонько протянулась рука — кто-то положил на пальцы письмо и скрылся, прежде чем Марья

Кириловна успела образумиться. В это самое время слуга к ней вошел и позвал ее к Кирилу Петровичу. Она с трепетом спрятала письмо за косынку и поспешила к отцу, в кабинет.

Кирила Петрович был не один. Князь Верейский сидел у него. При появлении Марьи Кириловны князь встал и молча поклонился ей с замешательством для него необыкновенным.

— Подойди сюда, Маша, — сказал Кирила Петрович, — скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.

Маша остолбенела, смертная бледность покрыла ее лицо. Она молчала. Князь к ней подошел, взял ее руку и с видом тронутым спросил: согласна ли она сделать его счастье. Маша молчала.

— Согласна, конечно, согласна, — сказал Кирила Петрович, — но знаешь, князь: девушке трудно выговорить это слово. Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцеловал ее руку, вдруг слезы побежали по бледному лицу. Князь слегка нахмурился.

— Пошла, пошла, пошла, — сказал Кирила Петрович, — осуши свои слезы и воротись к нам веселешенька. Они все плачут при помолвке — продолжал он, обратясь к Верейскому, — это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле — то есть о приданом.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволением удалиться. Она побежала в свою комнату, заперлась и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя; он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным... брак пугал ее как плаха, как могила... „Нет, нет, — повторяла она в отчаянии, — лучше умереть, лучше в монастырь,

лучше пойду за Дубровского“. Тут она вспомнила о письме и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было от него. В самом деле оно было писано им — и заключало только следующие слова:

„Вечером в десять, на прежнем месте“.

ГЛАВА XV

Луна сияла; июльская ночь была тиха; изредка подымался ветерок, и легкий шорох пробежал по всему саду.

Как легкая тень, молодая красавица приблизилась к месту назначенного свидания. Еще никого не было видно, вдруг из-за беседки очутился Дубровский перед нею.

— Я все знаю, — сказал он ей тихим и печальным голосом. — Я бы мог избавить вас от ненавистного человека.

— Ради бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите — я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

— Я не трону его, воля ваша для меня священна. Вам обязан он жизнию. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и в моих преступлениях. Но как же спасу вас от жестокого отца?

— Еще есть надежда. Я надеюсь тронуть его моими слезами и отчаянием. Он упрям, но он так меня любит.

— Не надейтесь по пустому: что, если возьмет он себе в голову сделать счастье ваше вопреки вас самих; если насильно повезут вас под венец, чтоб навеки предать судьбу вашу во власть старого мужа...

— Тогда, тогда делать нечего, явитесь за мною — я буду вашей женою.

Дубровский затрепетал; бледное лицо покрылось багровым румянцем, и в ту же минуту стало бледнее прежнего. Он долго молчал, потупя голову.

Затем он тихо обнял стройный ее стан и тихо привлек ее к своему сердцу. Доверчиво склонила она голову на плечо молодого разбойника. Оба молчали.

Время летело.

— Пора, — сказала наконец Маша. Дубровский как будто очнулся от усыпления. Он взял ее руку и надел ей на палец кольцо.

— Если решитесь прибегнуть ко мне, — сказал он, — то принесите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба — я буду знать, что делать.

Дубровский поцеловал ее руку и скрылся между деревьями.

ГЛАВА XVI

Сватовство князя Верейского не было уже тайною для соседства — Кирила Петрович принимал поздравления, свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала решительное объявление. Между тем обращение ее со старым женихом было холодно и принужденно. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный ее безмолвным согласием.

Но время шло. Маша наконец решилась действовать — и написала письмо князю Верейскому; она старалась возбудить в его сердце чувство великодушия, откровенно признавалась, что не имела к нему ни малейшей привязанности, умоляла его отказаться от ее руки и самому защитить ее от власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому, тот прочел его наедине и нимало не был тронут откровенностью своей невесты. Напротив,

он увидел необходимость ускорить свадьбу и для того почел нужным показать письмо будущему тестю.

Кирила Петрович взбесился; насилу князь мог уговорить его не показывать Маше и виду, что он уведомлен о ее письме. Кирила Петрович согласился ей о том не говорить, но решил не тратить времени и назначил быть свадьбе на другой же день. Князь нашел сие весьма благоразумным.

Но едва успел он выехать со двора, как отец Маши напрямик велел ей быть готовой на завтрашний день. Марья Кириловна, уже взволнованная объяснением князя Верейского, залилась слезами и бросилась к ногам отца.

— Папенька, — закричала она жалобным голосом, — папенька, не губите меня, я не люблю князя, я не хочу быть его женою...

— Это что значит, — сказал грозно Кирила Петрович, — до сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда всё решено, ты вздумала капризничать и отречься. Не изволь дурачиться; этим со мною ты ничего не выиграешь.

— Не губите меня, — повторяла бедная Маша, — за что гоните меня от себя прочь и отдаете человеку нелюбимому? разве я вам надосла? я хочу остаться с вами по-прежнему. Папенька, вам без меня будет грустно, еще грустнее, когда подумаете, что я несчастлива, папенька: не принуждайте меня, я не хочу идти замуж...

Кирила Петрович был тронут, но скрыл свое смущение и, оттолкнув ее, сказал сурово:

— Всё это вздор, слышишь ли. Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья. Слезы тебе не помогут, послезавтра будет твоя свадьба.

— Послезавтра, — вскрикнула Маша, — боже мой! Нет, нет, невозможно, этому не быть. Папенька, послушайте, если уже вы решились погубить меня, то я найду защитника, о котором вы и не думаете, вы увидите, вы ужаснетесь, до чего вы меня довели.

— Что? что? — сказал Троекуров, — угрозы! мне, угрозы, — дерзкая девчонка! — Да знаешь ли ты, что я с тобою сделаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смеешь меня стращать защитником. Посмотрим, кто будет этот защитник.

— Владимир Дубровский, — отвечала Маша в отчаянии. Кирила Петрович подумал, что она сошла с ума и глядел на нее с изумлением.

— Добро, — сказал он ей после некоторого молчания, — жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой комнате, ты из нее не выйдешь до самой свадьбы. — С этим словом Кирила Петрович вышел и запер за собою дверь.

Долго плакала бедная девушка, воображая всё, что ожидало ее, но бурное объяснение облегчило ее душу, и она спокойнее могла рассуждать о своей участи и о том, что надежало ей делать. Предчувствие сказывало ей, что вечером найдет она Дубровского в саду близ беседки; она решила пойти ожидать его там, как только станет смеркаться. Смерклось. Маша приготовилась — но дверь ее заперта на ключ. Горничная отвечала ей из-за двери, что Кирила Петрович не приказал ее выпускать. Она была под арестом. Глубоко оскорбленная, она села под окошко и до глубокой ночи сидела, не раздеваясь, неподвижно глядя на темное небо. На рассвете она задремала, но тонкий сон ее был встревожен печальными видениями, и лучи восходящего солнца уже разбудили ее.

ГЛАВА XVII

Она проснулась, и с первой мыслью представился ей весь ужас ее положения. Она позвонила, девка вошла и на вопросы ее отвечала, что Кирила Петрович вечером ездил в Арбатове и возвратился поздно; что он дал строгое приказание не выпускать ее из ее комнаты и смотреть за тем, чтоб никто с нею не говорил; что впрочем не видно никаких особенных приготовлений к свадьбе, кроме того, что велено было попу не отлучаться из деревни ни под каким предлогом. После сих известий девка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Ее слова ожесточили молодую затворницу; голова ее кипела — кровь волновалась; она решила дать знать обо всем Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо в дупло заветного дуба. В это время камушек ударился в окно ее, стекло зазвенело — и Марья Кириловна взглянула на двор и увидела маленького Сашу, делающего ей тайные знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Она отворила окно.

— Здравствуй, Саша, — сказала она, — зачем ты меня зовешь?

— Я пришел, сестрица, узнать от вас, не надобно ли вам чего-нибудь. Папенька сердит и запретил всему дому вас слушаться, но велите мне сделать, что вам угодно и я для вас всё сделаю.

— Спасибо, милый мой Сашенька, слушай: ты знаешь старый дуб с дуплом, что у беседки?

— Знаю, сестрица.

— Так если ты меня любишь, сбегай туда поскорей и положи в дупло вот это кольцо, да смотри же, чтоб никто тебя не видал.

С этим словом она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчик поднял кольцо, во весь дух пустился бежать — и в три минуты очутился у заветного дерева. Тут он остановился, задыхаясь, оглянулся во все стороны и положил колечко в дупло. Окончив дело благополучно, хотел он тот же час донести о том Марье Кириловне, как вдруг рыжий и косой оборванный мальчишка мелькнул из-за беседки, кинулся к дубу и запустил руку в дупло. Саша быстрее белки бросился к нему и зацепился за его обеими руками.

— Что ты здесь делаешь? — сказал он грозно.

— Тебе какое дело? — отвечал мальчишка, стараясь от него освободиться.

— Оставь это кольцо, рыжий заяц! — кричал Саша, — или я проучу тебя по-свойски.

Вместо ответа тот ударил его кулаком по лицу, но Саша его не выпустил — и закричал во всё горло:

— Воры, воры! сюда, сюда!..

Мальчишка силился от него отделаться. Он был повидимому двумя годами старше Саши и гораздо его сильнее, но Саша был увертливее. Они боролись несколько минут, наконец рыжий мальчик одолел. Он повалил Сашу на землю и схватил его за горло.

Но в это время сильная рука вцепилась в его рыжие и щетинистые волосы, и садовник Степан приподнял его на пол-аршина от земли...

— Ах, ты рыжая бестия, — говорил садовник, — да как ты смеешь бить маленького барина...

Саша успел вскочить и оправиться.

Садовник повел пленника на барский двор, а Саша его сопровождал, с беспокойством поглядывая на свои шаро-

вары, разорванные и замаранные зеленью. Вдруг все трое очутились перед Кирилой Петровичем, идущим осматривать свою конюшню.

— Это что? — спросил он Степана.

Степан в коротких словах описал все происшествие.

Кирила Петрович выслушал его со вниманием.

— Ты, повеса, — сказал он, обратясь к Саше, — за что ты с ним связался?

— Он украл из дупла кольцо, папенька, прикажите отдать кольцо.

— Какое кольцо, из какого дупла?

— Сестрица Марья Кириловна велела мне сбежать к дубу и положить кольцо в дупло; я и сбежал и положил кольцо — а этот скверный мальчик...

Кирила Петрович обратился к скверному мальчику — и спросил его грозно:

— Чей ты?

— Господ Дубровских. Я дворовый человек Владимира Андреевича Дубровского, — отвечал рыжий мальчик.

Лицо Кирилы Петровича омрачилось.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, — сказал Саша.

— Молчи, Александр, — отвечал Кирила Петрович, — не забудь, что я собираюсь с тобою разделаться. Ступай в свою комнату. Ты — косой — ты мне кажешься малый не промах. Отдай кольцо и ступай домой.

Мальчик разжал кулак и показал, что в его руке не было ничего.

— Добро, — сказал Кирила Петрович, — запереть его куда-нибудь да смотреть, чтоб он не убежал — или со всего дома шкуру спущу.

Степан отвел мальчишку на голубятню, запер его там.

— Сейчас ехать в город за исправником, — сказал Кирила Петрович, проводив мальчика глазами, — да как можно скорее.

— Тут нет никакого сомнения. Она сохранила сношения с проклятым Дубровским. Но ужели и в самом деле она звала его на помощь? — думал Кирила Петрович, рассказывая по комнате и сердито насвистывая. — Может быть, я наконец нашел на его горячие следы и он от нас не увернется. Мы воспользуемся этим случаем. Чу! колокольчик, слава богу, это исправник. — Гей, привести сюда мальчишку пойманного.

Между тем тележка въехала на двор, и знакомый уже нам исправник вошел в комнату весь запыленный.

Кирила Петрович стал тут же рассказывать утреннее происшествие, не упоминая однако ж о Марье Кириловне.

Исправник выслушал его со вниманием, поминутно взглядывая на маленького негодяя, который, прикинувшись дурачком, казалось, не обращал никакого внимания на всё, что делалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить с вами наедине, — сказал наконец исправник.

Кирила Петрович повел его в другую комнату и запер за собою дверь.

Через полчаса они вышли опять в залу, где невольник ожидал решения своей участи.

— Барин хотел, — сказал ему исправник, — посадить тебя в городской острог, выстегать плетью и сослать потом на поселение, но я вступился за тебя и выпросил тебе прощение, — развязать его.

Мальчика развязали.

— Благодарю же барина, — сказал исправник.

Мальчик подошел к Кириле Петровичу и поцеловал у него руку.

— Ступай себе домой, — сказал ему Кирила Петрович, — да вперед не крадь малины по дуплам.

Мальчик вышел, весело спрыгнул с крыльца и пустился бегом, не оглядываясь, через поле в Кистеневку.

Начинало смеркаться. Митя пробирался овинами и огородами в Кистеневскую рощу. Дошедши до двух сосен, стоящих передовыми стражами рощи, он остановился, оглянулся во все стороны, свистнул свистом пронзительным и отрывисто — и стал слушать; легкий и продолжительный свист послышался ему в ответ, кто-то вышел из рощи и приблизился к нему.

ГЛАВА XVIII

Кирила Петрович ходил взад и вперед по зале, громче обыкновенного насвистывая свою песню. Весь дом был в движении — слуги бегали, девки суетились — в сарае кучера закладывали карету. На дворе толпился народ. В уборной барышни, перед зеркалом, дама, окруженная служанками, убирала бледную, неподвижную Марью Кириловну.

Двери отворились.

— Невеста готова, — сказала дама Кириле Петровичу, — прикажите садиться в карету.

— С богом, — отвечал Кирила Петрович, и, — взяв со стола образ, — подойди ко мне, Маша, — сказал он ей тронутым голосом, — благословляю тебя...

Бедная девушка упала ему в ноги и зарыдала.

— Папенька... папенька... — говорила она в слезах, и голос ее замирал.

Кирила Петрович спешил ее благословить — ее подняли и почти понесли в карету. С нею села посаженная мать — и одна из служанок. Они поехали в церковь. Там жених уж их ожидал. Он вышел навстречу невесты, и был поражен ее бледностью и странным видом. Они вместе вошли в холодную, пустую церковь — за ними заперли двери. Священник вышел из алтаря и тотчас же начал. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слышала, думала об одном, с самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту ее не покидала, но когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла — но еще медлила, еще ожидала; священник, не дождавшись ее ответа, произнес невозвратимые слова.

Обряд был кончен. Она чувствовала холодный поцелуй немилугого супруга, она слышала веселые поздравления присутствующих и всё еще не могла поверить, что жизнь ее была навеки окована, что Дубровский не прилетел освободить ее. Князь обратился к ней с ласковыми словами, она их не поняла; они вышли из церкви, на паперти толпились крестьяне из Покровского. Взор ее быстро их обежал и снова оказал прежнюю бесчувственность. Молодые сели вместе в карету и поехали в Арбатово; туда уже отправился Кирила Петрович, дабы встретить там молодых.

Таким образом проехали они около десяти верст, лошади неслись быстро по кочкам проселочной дороги, и карета почти не качалась на своих английских рессорах. Вдруг раздались крики погони, карета остановилась — толпа вооруженных людей окружила ее, и человек в полумаске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей:

— Вы свободны, выходите.

— Что это значит! — закричал князь, — кто ты та- кой?..

— Это Дубровский, — сказала княгиня.

Князь, не теряя присутствия духа, вынул из бокового кармана дорожный пистолет и выстрелил в маскированного разбойника. Княгиня вскрикнула и с ужасом закрыла лицо обеими руками. Дубровский был ранен в плечо, кровь показалась, князь, не теряя ни минуты, вынул другой пистолет. Но ему не дали времени выстрелить, дверцы растворились, и несколько сильных рук вытащили его из кареты и вырвали у него пистолет. Над ним засверкали ножи.

— Не трогать его! — закричал Дубровский, — и мрачные его сообщники отступили.

— Вы свободны, — продолжал Дубровский, обращаясь к бледной княгине.

— Нет, — отвечала она. — Поздно — я обвенчана, я жена князя Верейского.

— Что вы говорите! — закричал с отчаяния Дубровский, — нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твердостью, — князь мой муж, прикажите освободить его и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас.

Но Дубровский уже ее не слышал, боль раны и сильные волнения души — лишили его силы. Он упал у колеса, разбойники окружили его. Он успел сказать им несколько слов, они посадили его верхом, двое из них его поддерживали, третий взял лошадь под уздцы, и все поехали

в сторону, оставя карету посреди дороги, людей связанных, лошадей отпряженных, но не разграбя ничего и не пролив ни единой капли крови, в отмщение за кровь своего атамана.

ГЛАВА XIX

Посреди дремучего леса, на узкой лужайке возвышалось маленькое земляное укрепление, состоящее из вала и рва, за коими находилось несколько шалашей и землянок.

На дворе множество людей, коих по разнообразию одежды и по общему вооружению можно было тотчас признать за разбойников, обедало, сидя без шапок, около братского котла. На валу подле маленькой пушки сидел караульный, поджав под себя ноги; он вставлял заплатку в некоторую часть своей одежды, владея иголкой с искусством, обличающим опытного портного, и поминутно посматривал во все стороны.

Разбойники отобедали, один после другого вставал и молился богу, некоторые разошлись по шалашам, — а другие разбрелись по лесу или прилегли соснуть, по русскому обыкновению.

Караульщик кончил свою работу, встряхнул свою ружьядь, полюбовался заплатою, приколот к рукаву иголку — сел на пушку верхом и запел во все горло меланхолическую старую песню.

В это время дверь одного из шалашей отворилась, и старушка в белом чепце, опрятно и чопорно одетая, показалась у порога.

— Полно тебе, Степка, — сказала она сердито, — барин почивает, а ты знай горланишь — нет у вас ни совести, ни жалости.

— Виноват, Егоровна, — отвечал Степка, — ладно, больше не буду, пусть он себе, наш батюшка, почивает да выздоравливает.

Старушка ушла, а Степка стал расхаживать по валу.

В шалаше, из которого вышла старуха, за перегородкою, раненый Дубровский лежал на походной кровати. Перед ним на столике лежали его пистолеты, а сабля висела в головах. Дубровский держал в руке открытую книгу, но глаза его были закрыты.

Вдруг Дубровский вздрогнул... в укреплении сделалась тревога, и Степка просунул к нему голову в окошко.

— Батюшка, Владимир Андреевич! — закричал он, — наши знак подают, нас ищут.

Дубровский вскочил с кровати, схватил оружие и вышел из шалаша. Разбойники с шумом толпились на дворе, при его появлении настало глубокое молчание.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский.

— Все, кроме дозорных, — отвечали.

— По местам! — закричал Дубровский. И разбойники заняли каждый определенное место.

В сие время трое дозорных прибежали к воротам — Дубровский пошел к ним навстречу.

— Что такое? — спросил он их.

— Солдаты в лесу, — отвечали они, — нас окружают.

Дубровский велел запереть ворота — и сам пошел освидетельствовать пушечку. По лесу раздались несколько голосов — и стали приближаться; разбойники ожидали в безмолвии. Вдруг три или четыре солдата показались из лесу — и тотчас подались назад, выстрелами дав знать товарищам.

— Готовиться к бою, — сказал Дубровский, и между разбойниками сделался шорох; снова всё утихло.

Тогда услышали шум приближающейся команды, оружия блеснули между деревьями, человек полтора десятка солдат высыпало из лесу и с криком устремились на вал. Дубровский приставил фитиль, выстрел был удачен, одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятение, но офицер бросился вперед, солдаты за ним последовали и сбежали в ров; разбойники выстрелили в них из ружей и пистолетов и стали с топорами в руках защищать вал, на который лезли остервенелые солдаты, оставя во рву человек двадцать раненых товарищей. Рукопашный бой завязался; солдаты уже были на валу — разбойники начали уступать. Но Дубровский, подошел к офицеру, приставил ему пистолет ко груди и выстрелил, офицер грянулся навзничь, несколько солдат подхватили его на руки и спешили унести в лес, прочие, лишась начальника, остановились. Ободренные разбойники воспользовались сей минутою недоумения, смяли их, стеснили в ров, осаждающие побежали — разбойники с криком устремились за ними. Победа была решена. Дубровский, полагаясь на совершенное расстройство неприятеля, остановил своих и заперся в крепости, приказав по добрать раненых, удвоив караулы и никому не велев отлучаться.

Последние происшествия обратили уже не на шутку внимание правительства на дерзновенные разбои Дубровского. Собраны были сведения о его местопребывании. Отправлена была рота солдат, дабы взять его — мертвого или живого. Поймали несколько человек из его шайки и узнали от них, что уж Дубровского между ими не было. Несколько дней после он собрал всех своих сообщников, объявил им, что намерен навсегда их оставить, советовал и им переменить образ жизни.

— Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет вид, с которым безопасно может пробраться в какую-нибудь отдаленную губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и в изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло.

После сей речи он оставил их, взяв с собою одного **. Никто не знал, куда он девался. Сначала сомневались в истине сих показаний — приверженность разбойников к атаману была известна. Полагали, что они старались о его спасении, но последствия их оправдали: грозные посещения, пожары и грабежи прекратились — дороги стали свободны. По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границу.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
А. С. Пушкин (перевод на эвенкийский язык)	5
Дубровский (перевод на эвенкийский язык)	9
А. С. Пушкин (на русском языке)	63
Дубровский (на русском языке)	67

Эр книгаду дукувча ханнуктавучи анкета.
Дукукалуу тарату, унгкэлуу адресула:

К этой книге приложена анкета с вопросами.
Заполните ее и пришлите по адресу:

Ленинград, Проспект 25-го Октября, 28, Дом книги,
комната 38, Национальный сектор Гослитиздата.

Обложка И. Ец.

Ответственный редактор
Я. Торгашин.

Художественно-технич. редакция
Э. Кореньюк, Н. Дельбо.
Корректор Н. Кравцова

Ленгортит № 2601. Тираж 2300.
Сдано в набор 27/III 1938 г. Под-
писано к печати 8/VI 1938 г. Бумага
70x92^{1/2} см. Уч.-авторских л. 5. Бу-
мажных л. 31/2. Типографских
знаков на 1 бум. л. 33146.
Типография им. Володарского,
Ленинград, Фонтанка, 57.
Заказ № 756.

Цена 1 руб.

ЭСИН АЯТ ПЕЧАТАИВЧА

Лед.	Нгунгнэ	дукувча	тангивка
31	4 угвигт	игонимлаван	игонимлаван
60	5 "	ингудаян	ингудаян

Пушкин — Дубровский